СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 4

1905

Пров. 52

ИЗДАНІЕ
С.ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТ.
ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1905.

ЕЖЕМѢСЕЧНО ОБЩЕСТВЕНО-НАУЧНО СПИСАНИЕ

Задруженъ Трудъ,

подъ редакцията на И. Н. Гюзелевъ.

Въ видъ на прибавление ще бѫде помѣстенъ послѣдователно с
телниятъ трудъ на редактора, подъ насловъ „Елиментитѣ на по
Годишния му абонаментъ си остава сѫщиятъ: именно 10 л. ср. за
прѣдплащани по 5 лева въ началото на всѣко шестмѣсечие, и 12
въ странство, прѣдплащани наведнажъ.—Списанието се издава
редакторъ, до когото трѣбва да бѫдатъ адресирани всички писм ржко
и поржчки. Абонирането става въ редакцията на списанието, София, улица „Раковски“ Н-ръ 82.

Славянскій Гласъ.

Изданіе Слав. Благотворительнаго Общества въ Болгарі

Списание за книжнина, исторически и обществени знания. Год.
стои въ България 8 л., въ Русия 3 р. Редакторъ: *С. С. Бобчевъ*. —Адр
София, ул. Славянска № 26.

Hrvatska Misao

mjesečnik za narodno gospodarstvo, književnost i politiku u slovenskom i de
kratskom duhu. -- Vlastnik, izdavač i urednik: Stjepan Radić.—Zagre
Lažćina. Medjašna ul. 12.—Predplata na cjelu godinu 8 kr. Božićni prilog: Ru
slovnica s ruskom čitankom i većim ili manjim ruskim rie
kom. Подписка 8 кронъ (3 р. 50 к.).

Slovenské Pohlády

časopis zábavno-poučny.

Redactor a vydavatel': Josef Škultéty. — Ročnik XXIV. — Turčiansky sv. Martin.—Predplatná cena: Rakúsko-Uhorsko na celý rok 10 kr., mimo Rakúsko-Uhorsko 11 kr. 20 halierov (5 руб.).

SLOVANSKY PŘEHLED

Vychází v sešitech tříarchových vždy první pátek v měsici, vyjimaje srpen a září.

Předplatné (i s poštovní zásilkou) do všech zemi Rakousko-Uherska, Bosny a Hercegoviny K 8.—, do Německa K 9.—(8 marek), do celého ostatního starého i nového světa K 9.20 (6 franků, 4 ruble). Cena jednotlivého sešitu 1 K.

Administrace Slovanského Prehledu (F. Šimáček)

v Praze, Jeruzalémská ul. 11.

Všecky zásilky, týkající se **redakce** (rukopisy, knihy k oznámení a časopisy na výměnu atd.), bud'też zasilány **redaktoru Ad. Černému (Praha-Král. Vinohrady, Chodská ul. 26).**

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

А. А. Кирѣевъ. О злобахъ дня съ славянофильской точки зрѣнія 319

II. *Л. П. Лобовъ.* Достоевскій и его славянофильство 334

Т. Щербаченко. Письма западно-русскаго дворянина, VI 347

А. И. Яцимирскій. Къ исторіи румыно-сербской взаимности 359

стр.

V. Крамаржъ о Россіи . . . 375

VI. Миливой Шрепель (некрологъ) 382

VII. Изъ славянскихъ поэтовъ. А. Ашкерцъ: Пегасъ и оселъ, перев. *Н. Новича.* . 384

VIII. Библіографія 387

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1905.

О злобахъ настоящаго дня

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ СЛАВЯНОФИЛЬСКАГО УЧЕНІЯ.

Сообщеніе Генер. **А. Кирѣева** въ Славянскомъ Обществѣ

3 Февр. 1905 г.

Со времени моей послѣдней бесѣды съ вами прошло не много лѣтъ,—но совершилось многое! Я имѣю въ виду не тяжелую войну, которую мы ведемъ за тридевять земель, не ярко обрисовавшіеся наши военные и дипломатическіе недочеты и нестроенія; нѣтъ. Мнѣ бы хотѣлось побесѣдовать о новыхъ теченіяхъ русской общественной мысли и о томъ, какъ мы, славянофилы, къ нимъ относимся, какъ мы понимаемъ горькія, жгучія „злобы настоящаго дня". Мнѣ хочется отвѣтить на вопросъ, который ставится на каждомъ шагу, со всѣхъ сторонъ: „Что же далѣе? что же дѣлать? Какъ быть? Кто правъ—кто виноватъ?"

Мою бесѣду я буду вести „на свой страхъ и рискъ"; выражать я буду свои собственныя мысли, не подражая примѣру многихъ нынѣ ораторствующихъ, считающихъ себя въ правѣ говорить (легко сказать!) отъ имени русскаго народа. Отъ его имени и его именемъ можетъ говорить одинъ только Русскій Царь! Никого другого народъ нашъ на это не уполномочивалъ. Что до меня, то—какъ бывшій московскій земецъ и московскій почетный мировой судья—я имѣю такое же право говорить, если не отъ имени русскаго народа,—то о немъ, какъ и кто бы то ни было другой.

Есть минуты въ исторіи народовъ, въ которыя жизнь течетъ неудержимо быстро, проявляя великія силы, которыя могутъ быть направлены и на добро великое и на непоправимое зло. Въ такія минуты нужна удвоенная бдительность,

удвоенная осторожность въ принятіи рѣшеній (хотя бы и теоретическихъ); но нужна и рѣшимость высказать все то, что у каждаго изъ насъ на душѣ, высказать тѣ убѣжденія, которыя каждый изъ насъ продумалъ, прочувствовалъ и выстрадалъ.

Да! тяжелое, трудное время переживаетъ нынѣ Россія. Для великаго народа, призваннаго играть роль во всемірной исторіи, призваннаго сказать и свое слово міру, трудность, опасность состоятъ не въ размѣрахъ задачи, которую ему приходится рѣшать, а въ невѣрномъ, неясномъ ея пониманіи; въ томъ, что, второпяхъ, онъ можетъ выбрать для ея рѣшенія—неподходящія средства. Неясность, „шатаніе“ мысли, въ особенности мысли политической,—вотъ опасность; она, въ данную минуту,—чрезвычайна. Общество блуждаетъ какъ въ туманѣ, мечется изъ стороны въ сторону. Русская мысль помутилась! этого никогда не бывало! Вспомнимъ „смутное“ время. Трудно себѣ представить тягчайшее положеніе! И шведы, тогда еще могущественные, и поляки съ литовцами, столь искусные въ ратномъ дѣлѣ, и казаки Заруцкаго, и вѣроломные бояре, и „воры“—все грозило гибелью,—и ничто не погибло, потому, что мысль у тогдашняго русскаго человѣка была ясна и устойчива. Онъ ясно понялъ, гдѣ кривда и гдѣ правда; онъ перекрестился, ринулся въ бой и вышелъ изъ него побѣдителемъ. Да! Встрепенулся тогда православный русскій народъ, заговорила Церковь, выставила Гермогена, Діонисія, Авраамія Палицына,—народъ выставилъ ей въ отвѣтъ Минина и Пожарскаго. Престолъ былъ спасенъ; на него всею землею возведенъ юноша Михаилъ Романовъ!

Силенъ, могучъ богатырь Илья Муромецъ, твердъ въ своихъ помыслахъ и дѣйствіяхъ... пока остается вѣренъ своимъ вѣрованіямъ... плохъ онъ становится лишь тогда, когда хитрымъ людямъ удается сбить его съ толку, уговорить его самому на себя руки наложить, самому себѣ веревку на шею надѣть. И вотъ такой именно совѣтъ даютъ намъ и теперь. Въ верхнихъ интеллигентныхъ слояхъ общества перепутались всѣ понятія, потерялось ясное пониманіе правъ и обязанностей... Россіи грозитъ опасность сорваться съ своихъ историческихъ устоевъ и пасть, промѣнявъ ихъ на основы новыя шаткія, ей несвойственныя, противорѣчащія всей ея исторіи.

Мы живемъ въ эпоху критики и переоцѣнки; и это хорошо! Слава Богу, что мы начинаемъ критиковать наши „цѣнности“, начинаемъ переоцѣнивать ихъ. Злиться на критику, мѣшать ей,

могутъ лишь очень недальновидные люди, и не только не дальновидные, но еще и трусливые, не вѣрующіе въ свою „правду“. Мы, славянофилы, не боимся критики нашихъ идеаловъ, ибо вѣруемъ крѣпко въ ихъ истинность и силу. Повторяю: критика нужна, необходима; тамъ, гдѣ ея нѣтъ, нѣтъ и прогресса; но критика эта должна доказать свои преимущества, свое право на руководство мыслью своихъ согражданъ: она должна имѣть и научно-теоретическія и историческія основанія, она должна доказать, что говоритъ дѣло, что ея совѣты клонятся не къ мнимому, а къ настоящему благу Россіи, что они не противорѣчатъ неколебимымъ истинамъ, вѣкованнымъ нашей тысячелѣтней исторіею.

Отчего же происходитъ шатаніе нашей политической мысли, да и всякой, даже религіозной? Отчего мы ослабли, „измалодушествовались“? Почему твердая наша воля замѣнилась безтолковымъ, а часто и преступымъ своеволіемъ? Потому, что мысль наша попалась въ плѣнъ, отошла отъ своихъ древнихъ, ясныхъ основоположеній, отъ своего священнаго преданія; а гдѣ нѣтъ ясно сознанныхъ, твердыхъ убѣжденій,—тамъ нѣтъ нравственной силы, нѣтъ стало-быть и сильной воли. Необходимости научно-теоретической постановки дѣла такъ называемые практическіе люди (преимущественно „западники“) не понимаютъ. „Не нужно намъ вашихъ основоположеній, вашихъ теорій,—говорятъ они: ими сытъ не будешь. Дайте-ка намъ нѣчто реальное, осязаемое, полезное, дайте намъ поскорѣе да побольше благъ земныхъ. Вѣдь мы живемъ въ XX столѣтіи! Да и гдѣ осязаемые плоды вашихъ славянофильскихъ теорій“!—„Развѣ“, говоритъ одинъ изъ нашихъ критиковъ, славянофильство принимало участіе въ устройствѣ дорогъ, мелкихъ техническихъ школъ, кустарныхъ выставокъ? Нѣтъ не принимало“!—отвѣчаетъ онъ торжествующимъ тономъ. „Да знаете ли вы, г-да славянофилы, продолжаетъ онъ, что изъ ста народныхъ учителей и учительницъ—девяносто девять и не заглядывали въ сочиненія хотя бы вашего Хомякова?!“ Хорошо доказательство! Да вѣдь чѣмъ выше теорія—тѣмъ ограниченнѣе, въ началѣ, число лицъ ее изучающихъ; она лишь впослѣдствіи дѣлается достояніемъ массъ. Такъ вся современная культура основана на Кантѣ, на его „Критикѣ чистаго разума“, а сколько нашихъ учителей и учительницъ (и не однихъ народныхъ школъ, а и много повыше) никогда и въ рукахъ ея не имѣли; но развѣ отъ этого значеніе Кантовой критики чистаго разума уменьшается?! „Польза“, не-

редъ которою всѣ преклоняются, за которою всѣ бѣгутъ—вещь очень условная. Разсужденія нашихъ противниковъ сродни извѣстному изреченію: „пара сапогъ полезнѣе всей поэзіи Пушкина“. Конечно, для иныхъ пара сапогъ полезнѣе... и этихъ „иныхъ“ весьма много, и не въ одной только сферѣ сапожнаго мастерства, но и въ другихъ, гораздо болѣе высокихъ, между прочимъ и въ политической. Безъ теоріи обойтись нельзя, и только тѣ общественныя и государственныя учрежденія жизнеспособны, которыя твердо обоснованы теоретически и согласуются съ народнымъ геніемъ. Никто этого не понялъ лучше Хомякова и его послѣдователей, никто лучше не выяснилъ значенія органической связи между православной вѣрой и русскимъ государствомъ; никто не относился съ большею, съ внимательнѣйшею любовью къ завѣтнымъ чувствамъ и мыслямъ русскаго народа, какъ именно славянофилы. И никто изъ насъ не позволялъ себѣ относиться такъ презрительно—снисходительно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ деспотически къ нашему бѣдному мужику, какъ многіе изъ представителей западныхъ теорій, какъ многіе изъ его самозванныхъ печальниковъ, не имѣющихъ съ нимъ, съ этимъ „мужикомъ“, ничего общаго (въ особенности въ области религіи). Люди эти готовы видѣть въ русскомъ простомъ народѣ лишь грубый матеріалъ, субстратъ для ихъ политическихъ фантазій. Нѣтъ, г-да! русскій народъ не грубая, безсмысленная масса, не случайный аггрегатъ бездушныхъ атомовъ: это могущественный одухотворенный организмъ, съ которымъ всѣмъ приходится считаться.

Наши славянофильскія основоположенія извѣстны; я ихъ снова развивать не стану, а ограничусь—такова, вѣдь, и цѣль моего собесѣдованія—лишь указаніемъ на то, какъ мы относимся къ современной политической мысли, преклоняющейся передъ западнымъ конституціоннымъ укладомъ, къ стремленію ввести его въ Россію. Въ этомъ и заключается главная злоба настоящаго нашего дня.

Перехожу къ объективному разсмотрѣнію западническихъ (конституціонныхъ) идеаловъ. Я полагаю, что не выйду изъ законныхъ предѣловъ слова, касаясь вопроса о конституціи; вѣдь о ней всѣ говорятъ и даже пишутъ, прикрываясь лишь нѣкоторой условностію выраженій, которая никого уже не обманываетъ; и намъ, стало быть, можно о ней говорить откровенно.

Передъ словами „конституція“, „правовой порядокъ“ нѣкоторые умиляются, приходятъ въ телячій восторгъ, другіе—въ

бѣшенство. На тѣхъ и на другихъ слова эти дѣйствуютъ какъ-то странно—физіологически; они наводятъ на нихъ нѣкотораго рода гипнозъ. Въ дѣйствительности же, если подъ словами „правовой порядокъ“ понимать такой государственный укладъ, при которомъ все въ государствѣ дѣлается по закону, по праву, то конечно никто, находящійся „въ здоровомъ умѣ и твердой памяти“, не будетъ возражать противъ такого порядка; но теперь это выраженіе получило для обѣихъ сторонъ нѣкое спеціальное, условное значеніе: для извѣстныхъ консерваторовъ—это ненавистное выраженіе означаетъ уничтоженіе столь любезнаго ихъ сердцу татарскаго произвола, который они считаютъ наилучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ имъ „режимовъ“, другіе видятъ въ нихъ непогрѣшимую панацею отъ всѣхъ золъ и бѣдъ, настоящихъ и будущихъ. Въ сущности, кто же изъ здравомыслящихъ людей можетъ не желать законности? кто же можетъ сочувствовать ея нарушенію, будь эти нарушители ультра-консерваторъ Іоаннъ Грозный побивающій беззащитныхъ, неугодныхъ ему жителей Новгорода, вышедшихъ къ нему на встрѣчу съ повинною, или парижскіе ультра-либералы, вырѣзающіе (Сент. 1792 г.) беззащитныхъ, неугодныхъ имъ десять тысячь заключенныхъ въ тюрьмахъ священниковъ и дворянъ? Конечно, никто не будетъ оспаривать неоходимости установленія законности въ государствѣ; вопросъ лишь въ томъ, чтобы при этомъ не попасть въ такое политическое положеніе, которое окажется въ противорѣчіи съ исконными русскими преданіями, съ нашими историческими устоями. Но вотъ объ этомъ-то и забываютъ наши легкомысленные теоретики - конституціоналисты, не имѣющіе яснаго понятія, въ чемъ состоитъ, на чемъ основанъ столь настойчиво, столь насильственно-демонстративно рекомендуемый ими конституціонный укладъ. Въ оправданіе ихъ можетъ быть сказано одно: причина ихъ настойчиваго требованія конституціи состоитъ главнѣйше въ несомнѣнной неудовлетворительности нашего положенія, нашихъ внутреннихъ дѣлъ. Жить намъ плохо, говорятъ они (и съ этимъ нельзя не согласиться), а вотъ, слышно, что тамъ, за-границей, гдѣ есть конституція — живется не въ примѣръ лучше нашего... такъ вотъ подавайте и намъ конституцію... Просто, понятно и—наивно! При этомъ требующіе „реформы“ и не заботятся справиться о томъ, согласенъ ли конституціонный строй съ желаніями и стремленіями нашего народа, согласенъ ли будетъ этотъ народъ на замѣну Царя—иными лицами, съ которыми у него (народа) очень мало общаго

(въ особенности въ пониманіи вопросовъ религіозныхъ)! Замѣчу при томъ, что этимъ господамъ и на умъ не приходитъ посмотрѣть, не находится ли въ нашемъ древнемъ русскомъ строѣ элементовъ, данныхъ, на основаніи которыхъ можно легко выработать всѣ тѣ условія, всѣ тѣ правительственныя и общественныя нормы, при которыхъ, не разрывая нашей связи съ нашей исторіей, нашими преданіями, мы можемъ устроить нашу жизнь лучше, нежели гдѣ бы то ни было. Великое древнее начало, на основаніи котораго мы можемъ, мы должны перестроить нашу политическую жизнь, состоитъ въ совѣщаніи Царя съ народомъ, въ совмѣстной ихъ (по старинному) работѣ.

Посмотримъ, въ чемъ состоитъ сущность обоихъ укладовъ: самодержавнаго и конституціоннаго, и въ чемъ они главнѣйше разнствуютъ? Разнствуютъ они въ томъ, что, въ укладѣ самодержавномъ—власть находится въ рукахъ Царя, въ конституціонномъ — въ рукахъ такъ называемыхъ „народныхъ представителей“. Въ первомъ случаѣ воля верховнаго правителя связана его совѣстью (у насъ, кромѣ того, присягой на вѣрность Православію); воля эта руководится желаніемъ добра подданнымъ, а себѣ—доброй славы; во второмъ—воля правителя слѣдуетъ рѣшенію большинства, руководимаго соображеніями практическими; спеціально—выгодами той партіи, которая въ данную минуту обладаетъ парламентскимъ большинствомъ. Между этими укладами есть, конечно, посредствующія степени; но сущность ихъ состоитъ именно въ томъ, что при монархическомъ укладѣ у правителя руки не связаны, онъ самостоятельный человѣкъ; при укладѣ конституціонномъ монархъ-правитель превращается въ символъ, въ куклу. Тотъ и другой уклады представляютъ и свои выгоды и свои опасности. Опасность монархическаго—состоитъ въ томъ, что правитель можетъ быть мало освѣдомленъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ можетъ быть лѣнивъ, ограниченъ, можетъ не ясно видѣть настоящія нужды народа; при укладѣ конституціонномъ опасность состоитъ въ партійномъ и личномъ эгоизмѣ народныхъ представителей, эгоизмѣ, замаскированномъ разными юридическими формулами и формальностями. На этомъ слѣдуетъ остановиться. Именно этотъ партійный эгоизмъ, эта торгашеская подкладка всего конституціоннаго строя и претитъ духу русскаго народа, народа—по преимуществу искателя „высшей правды“. Этотъ этическій характеръ русскаго народа, стремленіе его осуществить „правду божію на землѣ“ составляетъ характеристическую черту нашей литературы и преимущественно

нашихъ послѣднихъ великихъ писателей—Достоевскаго и Льва Толстаго [1]). Недовѣрчивое равнодушіе русскаго человѣка къ внѣшнему политическому строю, его нежеланіе „правительствовать“, „государствовать“, давно подмѣченное славянофилами, очень ярко выразилось въ недавней телеграммѣ гр. Льва Толстого одной филадельфійской газетѣ; въ ней сказался русскій человѣкъ, заботящійся не о пріисканіи политическихъ формъ, долженствующихъ обезпечить всѣмъ и каждому матеріальное благосостояніе, а о томъ главнѣйше, чтобы сдѣлать всѣхъ насъ лучшими. „Истинное соціальное улучшеніе, говоритъ гр. Толстой, можетъ быть достигнуто лишь религіознымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ отдѣльныхъ личностей; политическая агитація, ставя передъ отдѣльными личностями губительную иллюзію соціальнаго улучшенія посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, обыкновенно останавливаетъ истинный прогрессъ, что можно видѣть во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ“. Тѣ же мысли гр. Толстой выразилъ недавно корреспонденту газеты „Manchester Guardian“. „Настоящее движеніе“, говоритъ гр. Толстой, „приняло дурное направленіе. Народу совсѣмъ не нужна конституція, и тѣ, которые агитируютъ для ея введенія у насъ, не знаютъ русскаго народа; несмотря на увѣренія агитаторовъ, что они любятъ народъ, они въ сущности о немъ и не заботятся, они просто его презираютъ (despise them)“. Совершенно вѣрно! Настоящее, не мнимое, возрожденіе, усовершенствованіе общества идетъ отъ центра къ периферіи, отъ отдѣльной нравственной личности ко всему обществу, а не обратно. Сумма личностей религіозныхъ и нравственныхъ легко найдетъ и соотвѣтствующую форму для государственнаго сожительства, форма эта выростетъ сама собою, органически. Эту истину долженъ повѣдать міру русскій народъ; въ этомъ его историческое призваніе. Но къ осуществленію его, къ исполненію своей священной обязанности онъ можетъ приступить, лишь самъ поднявшись на высоту своихъ идеаловъ, лишь сознавшись и покаявшись въ своихъ несовершенствахъ, своихъ грѣхахъ, не сваливая, по обыкновенію, своей вины на другихъ, на „гнетующую среду“, на монархическій строй и т. п.,—все это вздоръ. Мы сами плохи. Вотъ въ чемъ дѣло! Развѣ Ломоносовы, Пушкины, Карамзины, Грибоѣдовы, Гоголи... жили при удобнѣйшихъ условіяхъ? Далѣе замѣчу, что если, при монархическомъ укладѣ,

---

[1]) Къ голосу ихъ уже прислушиваются на западѣ!

народъ иногда можетъ быть отдѣленъ отъ своего Государя бюрократическимъ средостѣніемъ, то при конституціонномъ—онъ непремѣнно и всегда отдѣленъ отъ народа средостѣніемъ парламента.

Вопросъ о формѣ правленія во всякомъ случаѣ не изъ простыхъ, а между тѣмъ—всякій берется за его рѣшеніе! Спросите у кого либо изъ многочисленныхъ лицъ его „рѣшающихъ“, какъ нужно выдѣлывать хорошее мыло или хорошее сукно? Если онъ не спеціалистъ въ этихъ отрасляхъ техники, онъ вамъ отвѣтитъ: Не знаю, спросите у спеціалиста. А спросите у него же, кто бы онъ ни былъ—врачъ, студентъ, адвокатъ, землемѣръ, курсистка, гимназистъ старшаго класса... какъ нужно управлять Россіею, какой политическій строй наиболѣе соотвѣтствуетъ ея историческимъ преданіямъ и т. п.?.. онъ, ни чуть не сомнѣваясь въ своей безусловной компетентности, отвѣтитъ вамъ: „Очень просто, упраздните самодержавіе (вѣдь мы давно это рѣшили) и передайте управленіе Россіею мнѣ и моимъ единомышленникамъ. Вотъ и все“! Въ дѣйствительности однако дѣло оказывается далеко не столь элементарно-легкимъ. При извѣстныхъ условіяхъ, какъ указываетъ исторія, отобрать власть у Монарха не трудно, но очень трудно найти человѣка (или учрежденіе), которому весь народъ русскій повѣрилъ бы такъ-же, какъ онъ вѣритъ (и еще крѣпко вѣритъ) своему Государю. При рѣшеніи этого практическаго вопроса мнѣнія очень расходятся; многіе, едва ли не большинство, говорятъ: Да мы и не думаемъ сразу упразднять самодержавіе; мы, вотъ, хотимъ только ввести то-то и то-то, установить такія-то условія, усилить такія-то „гарантіи“ для лучшаго функціонированія правительственнаго организма и т. п. Но вѣдь это подробности, дѣло не въ нихъ; дѣло въ рѣшеніи вопроса принципіальнаго. Для того чтобы столковаться (а столковаться очень нужно), слѣдуетъ поставить дѣло ребромъ! Далѣе въ жмурки играть нельзя, нужно знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, кто свои—и кто чужіе; необходимо, чтобы мнѣнія обрисовались и при томъ совершенно опредѣленно. Нужно знать, кто чего хочетъ—связаннаго или не связаннаго Царя! Такъ и нужно ставить вопросъ, не виляя, такъ его всегда и ставили славянофилы. Связаннаго царя мы не хотимъ, но хотимъ зрячаго и свободнаго отъ какого бы то ни было средостѣнія!

Я позволяю себѣ говорить о конституціи съ нѣкоторой авторитетностію и увѣренностію, такъ какъ изучалъ ее не только по книжкѣ,—это дѣло не мудреное—а и на дѣлѣ; я видѣлъ не

только ея функціонированіе въ парламентѣ, но, что гораздо важнѣе, не разъ присутствовалъ и на избирательныхъ собраніяхъ; видалъ, какъ избираются „представители народа“; видалъ, къ какимъ непозволительнымъ пріемамъ, къ какимъ неисполнимымъ обѣщаніямъ „вѣрнаго“, гарантированнаго благоденствія избирателей—прибѣгаютъ кандидаты на прибыльный [1]) постъ представителя: какъ, однимъ словомъ, они безбожно дурачатъ избирателей, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они имъ низко льстятъ. Правда, „по закону“ избирательный подкупъ преслѣдуется, но на дѣлѣ онъ процвѣтаетъ, и лишь избранники-новички попадаются въ тенета закона; опытные—всегда обходятъ ихъ благополучно! Мѣста представителей таксируются, какъ всякій иной товаръ; въ Венгріи, напр., такое мѣсто стоило (по цѣнамъ 1900 года) отъ 35 до 40 тыс. гульденовъ. Въ англійскихъ газетахъ весьма часто встрѣчаются объявленія о томъ, что избирательный комитетъ такой-то партіи и такого-то округа извѣщаетъ своихъ сторонниковъ о предстоящихъ взносахъ на „избирательные расходы“; и такъ вездѣ...

Но этимъ дѣло не ограничивается: главный вредъ конституціоннаго уклада состоитъ, во-первыхъ, въ пониженіи нравственныхъ идеаловъ народа, во-вторыхъ въ томъ, что, мало по малу, и при томъ неминуемо, власть переходитъ въ руки самаго неблагонадежнаго класса людей, такъ-называемыхъ политикановъ (politicans), не связанныхъ органически съ землею, живущихъ политикой, сдѣлавшихъ изъ нея свое ремесло и постепенно вытѣсняющихъ изъ парламента порядочныхъ людей, неспособныхъ прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя доставляютъ нынѣ побѣду въ избирательной борьбѣ. Правда, въ началѣ, при установленіи конституціоннаго режима, все идетъ прекрасно; такъ было во Франціи, въ концѣ XVIII ст., такъ было въ Пруссіи, Саксоніи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ послѣ 48 года минувшаго столѣтія, да и всюду. Благородныя рѣчи, посвященныя восхваленію свободы, патріотизма, всякихъ высокихъ идеаловъ, льются рѣкою, и всѣ радуются и умиляются... умиляются совершенно искренно, хотя иногда—безотчетно и безпричинно. Интересныя подробности о краснорѣчіи во франкфуртскомъ парламентѣ находятся между прочимъ въ письмахъ Бисмарка къ его женѣ.

Повторяю: въ началѣ все идетъ прекрасно; но скоро высокій лирическій тонъ парламентскихъ рѣчей перестраивается на

[1]) Какія суммы были розданы депутатамъ одной Панамой!!

обыденно-прозаическій, дѣловой: въ нихъ слышится уже не поэзія, а ариѳметика, уже не высокій альтруизмъ, а самый низменный и жестокій эгоизмъ! Дѣло идетъ уже не о liberté, égalité, fraternité (формулѣ—довольно-таки нелѣпой, ибо тамъ, гдѣ есть свобода, не можетъ быть равенства, и обратно), уже не объ Italia unita или Roma-capitale, не о культурномъ величіи Германіи, не о Deutschland ueber alles! Нѣтъ.—Deutschland ueber alles и т. п. осталось во франкфуртскомъ парламентѣ и появляется въ Германіи лишь въ оффиціальныхъ рѣчахъ; теперь не то; какой-нибудь бранденбургскій аграрій говоритъ совершенно о другомъ: о томъ, напр., чтобы ни подъ какимъ видомъ законъ не дозволялъ пускать черезъ границу дешевой русской пшеницы, потому-де, что отъ этого пострадаютъ его, аграрія, доходы, хотя бы, отъ такого запрета, сильно пришлось голодать прирейнскому или силезскому фабричному. Конечно и обратно, но все въ такомъ же родѣ! При этомъ происходитъ вотъ еще какое странное явленіе. Тотъ же самый аграрій, который несомнѣнно бы посовѣстился лично притѣснить голодающаго фабричнаго, нисколько не постѣснится сдѣлать то же самое—коллективно-конституціонно, проведя этотъ столь пагубный для прирейнскаго фабричнаго законъ черезъ парламентъ. Разъ, видите ли, это притѣсненіе освящено голосованіемъ парламента, разъ оно получило „большинство“,—оно уже не притѣсненіе, а законъ, благо, это уже не эгоизмъ, а добро, это уже истина, а не несправедливость, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе всѣ мѣры, принимаемыя противъ соперника-врага, оставшагося въ меньшинствѣ, становятся суровѣе, эгоистичнѣе, безпощаднѣе. Вѣдь тутъ идетъ борьба „не на животъ, а на смерть“! Не зѣвай, „carpe diem“. Сегодня Я, Моя партія въ большинствѣ, стало-быть все, что мы ни узаконимъ, ни проведемъ черезъ парламентъ, все это будетъ уже законно, справедливо, благородно, все будетъ нравственно! Вѣдь завтра можетъ быть въ „большинствѣ“ окажутся мои враги, и тогда „vae victis“, горе намъ побѣжденнымъ! И въ парламентскомъ укладѣ нѣтъ никакого средства избѣжать этихъ враждебныхъ крайностей, этой перемежающейся лихорадки борющихся интересовъ, ибо выше парламентскаго большинства нѣтъ ничего на свѣтѣ (кромѣ впрочемъ государственнаго переворота и диктатуры). При нашемъ же (московскомъ, совѣщательномъ) укладѣ—средство есть: спасеніе—въ волѣ Царя. Онъ можетъ, онъ имѣетъ право, онъ обязанъ остановить неправое, безнравственное дѣло! Онъ можетъ взять подъ свою защиту беззащитныхъ, слабыхъ, маленькихъ людей, остаю-

щихся въ постоянномъ меньшинствѣ. Замѣчу, кстати, объ этомъ парламентскомъ большинствѣ, въ которомъ довѣрчивые люди отыскиваютъ критерій истины. Большинство это ничуть не заботится объ истинѣ, объ этическихъ началахъ; парламентское большинство выражаетъ лишь заботы о матеріальныхъ благахъ большинства; о нихъ оно даетъ вѣрное понятіе, и то не всегда; но можно ли отыскивать во мнѣніи этого большинства критерій научной или этической истины! Въ послѣднемъ своемъ проявленіи парламентское большинство—представитель—улицы. Конечно, и „улица“ имѣетъ свои права, которыя должны быть священны для правителя; но права на существованіе, по возможности обезпеченное, на возможное матеріальное и нравственное развитіе каждаго гражданина совсѣмъ не тождественны съ способностію рѣшать сложныя, глубокія этическія задачи.

Все сказанное ясно для всякаго понимающаго дѣло; все это извѣстно, все это было разъяснено много разъ; и сколько, однако, есть людей, и не только изъ неучащейся молодежи, но и изъ людей кое-что знающихъ, которые однако сочувствуютъ конституціи (столь несродной русской душѣ). Чѣмъ это объяснить? Это объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что нашъ бюрократическій строй износился до послѣдней заплаты, до послѣдней нитки, что наши домашніе нелады, глупости, безпорядки стали по истинѣ нестерпимы, а во-вторыхъ тѣмъ, что конституціонный строй и дѣйствительно представляетъ несомнѣнныя блага, которыхъ мы до сихъ поръ лишены, и безъ которыхъ культурному обществу нельзя обходиться, какъ напр. полная гласность, возможность серіозно критиковать всѣ дѣйствія администраціи, законная свобода слова, огражденіе правъ личности... наконецъ и многія удобства экономической жизни... Конечно, все это совершенно необходимо, и всего этого у насъ пока еще нѣтъ! Это справедливо, но совершенно несправедливо, что блага эти присущи лишь одному конституціонному строю. Въ этомъ то и состоитъ ошибка сторонниковъ (у насъ) конституціоннаго уклада. Все это, всѣ эти блага вполнѣ совмѣстимы и съ самодержавнымъ строемъ (славянофильскаго, т. е. древне-русскаго соборнаго типа). Вотъ этого-то и не понимаютъ конституціоналисты. Они разсуждаютъ такъ: „У насъ этихъ необходимыхъ благъ нѣтъ, а тамъ, гдѣ есть конституція—тамъ эти блага на лицо; стало быть, чтобы ихъ получить—намъ нужна конституція“. Ничуть! эти блага столько же совмѣстимы съ конституціоннымъ строемъ, сколько и съ монархическимъ (повторяю—соборнаго, древняго

типа). Нелѣпо предполагать что Самодержецъ будетъ мѣшать счастію своего народа, мѣшать его процвѣтанію, изъ желанія ему зла, изъ любви къ злу. Если онъ поступаетъ неправильно, дѣйствуетъ во вредъ своему отечеству, то лишь потому, что не понимаетъ его настоящихъ потребностей, не знаетъ ихъ! Все дѣло состоитъ, стало быть, въ томъ, чтобы при немъ находились истые, вѣрные русскіе люди, настоящіе представители настоящихъ нравственныхъ и матеріальныхъ нуждъ многомилліоннаго русскаго народа, которые могли бы, съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ спокойной, чистой совѣстью дать добрый совѣтъ Царю; но вотъ этого-то именно и не признаютъ конституціоналисты. Не слѣпые консерваторы во что бы то ни стало, не революціонеры опасны Россіи, а именно конституціоналисты, въ числѣ которыхъ есть конечно не мало людей ошибающихся, но истинно преданныхъ Россіи, не менѣе насъ ее любящихъ; съ ними намъ и приходится бороться. Но для борьбы намъ необходимо выяснить нашу программу и сплотиться около нашего знамени.

Одна изъ главнѣйшихъ бѣдъ Россіи та, что у нашихъ мыслящихъ людей очень неясныя, неопредѣленныя программы, что многіе изъ нихъ сами не знаютъ, къ какому лагерю, къ какому политическому направленію себя причислить; это и вноситъ непроглядный туманъ въ нашу общественную жизнь. Намъ необходимо размежеваться! Въ результатѣ окажутся двѣ главныя группы: наша—стоящая за Самодержавіе, но свободное и усиленное совѣщательнымъ голосомъ страны, и другая, ихъ стоящая за самодержавіе мнимое, связанное волею парламентскаго большинства. Но не должно забывать, что вдали отъ обѣихъ группъ стоитъ многомиліонный „простой“ русскій народъ съ неясными политическими теоріями, но съ очень опредѣленными политическими симпатіями и антипатіями, съ очень опредѣленными чувствами, народъ, тоже имѣющій полное право на то, чтобы, когда обстоятельства измѣнились, и его представители имѣли доступъ къ Царю, чтобы и къ его мощному голосу Царь прислушивался. Народъ нашъ—это необходимый политическій балластъ, уравновѣшивающій ходъ нашего политическаго корабля. Ежели бы осуществилась наша мечта о возвращеніи Россіи къ самодержавію, усиленному голосомъ народа, а объ этомъ мы должны всячески стараться,—я увѣренъ, что къ намъ примкнетъ и большинство не только тѣхъ многочисленныхъ русскихъ людей, которые не разобрались еще въ своихъ политическихъ идеалахъ, но и большинство конституціоналистовъ,

въ сердцѣ которыхъ безсодержательный космополитизмъ не вытравилъ еще ни русскихъ чувствъ, ни русскихъ вѣрованій.

У насъ принято бранить бюрократовъ; правда, среди нихъ бывали отмѣнно глупые и плохіе, но плохими они дѣлаются преимущественно потому, что самый строй безконтрольно-бюрократическій никуда не годенъ. Сами же бюрократы не лучше и не хуже не бюрократовъ. Надѣлъ мундиръ—бюрократъ, снялъ мундиръ, надѣлъ халатъ—помѣщикъ, земецъ, фабрикантъ, публицистъ, но въ сущности — такой же русскій человѣкъ, какъ прежде. Не то важно, бюрократъ ли онъ, или нѣтъ (вѣдь безъ бюрократіи нигдѣ не обходятся), а въ томъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ, на честность, самостоятельность, патріотизмъ и работоспособность коего могли бы расчитывать его сограждане, и въ томъ тоже, чтобы онъ былъ постоянно контролируемъ общественнымъ мнѣніемъ, прессой.

Средостѣніе между Царемъ и народомъ, созданное столѣтней нашей бюрократіею, должно пасть, должно — несомнѣнно; но мы не хотимъ и того, чтобы создано было новое средостѣніе между нашимъ Царемъ и нами—въ видѣ какихъ либо двойныхъ или простыхъ конституціонныхъ камеръ; замѣчу при томъ, что никогда „представители“, разошедшіеся съ народомъ въ самыхъ основныхъ политическихъ и религіозныхъ понятіяхъ (а таковыми именно будутъ тѣ изъ конституціоналистовъ, которые нынѣ заявляютъ о себѣ наиболѣе громко и назойливо), не будутъ признаны русскимъ народомъ за своихъ настоящихъ, дѣйствительныхъ представителей, никогда онъ на нихъ не промѣняетъ своего Царя, какой бы онъ ни былъ. Наши конституціоналисты, принимая въ расчетъ лишь самихъ себя, лишь свои убѣжденія, готовы навязать ихъ и этой темной массѣ „необразованнаго, неинтеллигентнаго суевѣрнаго мужичья“. Но это совсѣмъ не такъ легко, какъ имъ кажется. И теперь уже слышатся въ этомъ смыслѣ довольно опредѣленныя заявленія: такъ недавно выборные двухъ фабричныхъ селъ обратились къ одному лицу, которому они очень довѣряютъ (онъ, мѣстный врачъ), и сказали ему слѣдующее: слышали мы, будто Царь хочетъ насъ отдать подъ докторовъ и адвокатовъ? Такъ этому не бывать! Форма—до нельзя простодушна и наивна, но мысль выражена совершенно ясно и опредѣленно. Это несомнѣнно мысль русскаго народа! но и мы, люди культурные, желаемъ остаться подъ властью царя и не хотимъ поступать подъ власть камеры нашихъ (мнимыхъ) представителей.

Наши политическія основоположенія извѣстны: мы убѣжденные сторонники Самодержавія, усиленнаго голосомъ народа. „Совѣтъ народу — рѣшеніе Царю“, царю—чутко прислушивающемуся къ голосу народному, вникающему въ духовныя и матеріальныя его нужды, любящему свой народъ и довѣряющему своему народу, живущему съ нимъ одной жизнью, одной вѣрой, одними чувствами и помышленіями. Такой Царь дастъ намъ и свободу слова, въ границахъ не произвола, а закона, и охрану личности, и гласность, и законность и, не разрывая органической связи между православной церковью и русскимъ царствомъ, поможетъ намъ возстановить въ нашей церкви древнюю свободу церкви древней. И такой Царь дастъ намъ все, что намъ нужно!

Недавно, съ высоты Престола указомъ Сенату 12 декабря возвѣщены весьма важныя реформы, въ томъ же указѣ высказано твердое намѣреніе „сохранить незыблемыми—основанія Россійской Имперіи“. Этимъ, уповательно, устраняется самая мысль о введеніи у насъ конституціи, и это очень хорошо; но это указаніе отрицательнаго характера. Гдѣ же указаніе на сторону положительную царской мысли? Его можно усмотрѣть въ слѣд. словахъ: „Когда же потребность перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразованіе вызывало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній“.

По указу 12 декабря введеніе намѣченныхъ въ немъ реформъ поручено бюрократіи, ея вершинѣ комитету министровъ. Будемъ надѣяться, что она сама пойметъ необходимость вести это дѣло не иначе, какъ съ помощію тѣхъ, коихъ эти реформы будутъ касаться, не иначе, какъ по тщательному совѣщанію съ ихъ представителями, свободно выбранными самими заинтересованными въ успѣхѣ дѣла, т. е. всѣмъ русскимъ народомъ, всѣми его сословіями или группами людей, изъ которыхъ онъ состоитъ (и преимущественно тѣми, которые связаны съ землею); это необходимое условіе успѣха всего дѣла! Когда-же совѣщанія эти, какъ должно надѣяться, окажутся плодотворными, то, силою вещей, они изъ временныхъ превратятся въ постоянныя.

Когда Верховная власть заявляетъ о своей готовности считаться „съ назрѣвшими потребностями“, то мы въ правѣ уповать, что осуществится наконецъ наша давнишняя славянофильская мечта; что по окончаніи войны мы увидимъ не въ отдаленномъ будущемъ—Русскаго Самодержавнаго Царя, любовно внимающаго совѣщательному голосу своего народа! Да. Мы вѣримъ, что такая

реформа совершится по волѣ Самого Царя, что настанетъ свѣтлое время совмѣстной работы Царя и народа, безъ средостѣнія между ними,—работы, основанной на обоюдной любви, на возстановленномъ обоюдномъ довѣріи. Какая задача будетъ тогда для насъ непосильна! Чего не сдѣлаетъ, чего не достигнетъ Русскій Царь, опирающійся на русскій народъ, ставшій на путь духовной свободы и матеріальнаго преуспѣянія!

А. Кирѣевъ.

Павловскъ. Январь 1905.

Достоевскій и его славянофильство.

Славянофильство, какъ отвлеченно-философское ученіе, было, конечно, въ значительной степени теоретичнымъ, въ силу чего оно, между прочимъ, и порождало на своемъ пути массу къ себѣ недоброжелателей, но въ то же время было широкимъ и глубоко жизненнымъ явленіемъ, въ силу чего оно можетъ считать на своей сторонѣ даже и теперь еще очень много вполнѣ убѣжденныхъ адептовъ. Этой жизненностью славянофильства, какъ явленія, далеко еще незаконченнаго и донынѣ продолжающаго свое развитіе, и объясняется, почему до сихъ поръ еще не создалось полной исторіи славянофильства, а существуютъ лишь очерки отдѣльныхъ его проявленій, какъ могущественныхъ культурныхъ настроеній, пережитыхъ нашимъ умственнымъ развитіемъ на почвѣ богословія, философіи, политической и соціальной исторіи. Этому же созданію единой и полной исторіи славянофильства мѣшаетъ, по нашему мнѣнію, еще одинъ наблюдаемый фактъ, какъ краснорѣчивый показатель существующихъ пробѣловъ въ дѣлѣ изученія славянофильства. Дѣло въ томъ, что славянофильство, въ силу жизненности своихъ стремленій, конечною своею задачей ставило выясненіе нашего самосознанія и этимъ самымъ соприкасалось съ основными стремленіями нашихъ лучшихъ писателей, а потому и должно было въ своихъ поискахъ обращаться къ такимъ сторонамъ нашей жизни, которыя нашли себѣ выраженіе и въ литературѣ. И вотъ это то изученіе литературы со стороны проникновенія въ нее славянофильства и составляетъ вышеуказанный пробѣлъ, при наличности котораго невозможно составленіе болѣе или менѣе полной исторіи славянофильства, и на послѣднюю въ настоящее время можно смотрѣть только лишь какъ на своего рода pia desideria. Что же касается выполненія самаго пробѣла, то это вполнѣ возможно: необходимо только прослѣдить, въ дѣятельности какихъ именно писателей сказывалось то или иное соприкосновеніе съ славянофильствомъ; какимъ путемъ слагалось это соприкосновеніе, путемъ ли напередъ намѣ-

ченной тенденціи, или же, такъ сказать, безсознательно, въ силу непосредственнаго художественнаго инстинкта; насколько сильно проникли славянофильскія идеи въ наше художественное творчество, и какія преимущественно стороны нашей жизни съ славянофильскими тенденціями изображены въ немъ.

Но опять-таки выполненіе и этой, все же широкой задачи, во всей ея многообъемлемости, пока еще во многомъ весьма затруднительно, такъ какъ еще не существуетъ для этого въ должной полнотѣ желаемаго матеріала: не выяснены со всей очевидностью хотя бы субъективныя стороны въ отношеніяхъ многихъ писателей къ славянофиламъ и исповѣдуемому имъ ученію.

Поэтому, сознавая всю трудность намѣчаемой задачи и относя выполненіе ея во всей цѣлостности пока къ области прекраснодушныхъ мечтаній, намъ желательно только прослѣдить проникновеніе славянофильства въ дѣятельности лишь тѣхъ писателей, относительно которыхъ существуютъ болѣе или менѣе очевидныя признанія въ ихъ славянофильствѣ, и освѣщеніе которыхъ именно съ нашей точки зрѣнія должно наиболѣе соотвѣтствовать общему преобладающему ихъ значенію. И наиболѣе типичнымъ въ этомъ отношеніи намъ представляется Достоевскій, котораго явныя симпатіи славянофильству дѣлаютъ наиболѣе цѣннымъ въ сравненіи съ другими сторонами его мятущагося духа.

Достоевскій принадлежалъ къ тѣмъ нервно-впечатлительнымъ, болѣзненно-раздраженнымъ и неустойчиво-организованнымъ натурамъ, въ міросозерцаніи которыхъ бываетъ очень трудно установить рѣзко опредѣленное и неуклонно-однообразное содержаніе: наряду съ бурными, почти революціонно-политическими стремленіями въ нихъ уживаются стремленія совершенно мирнаго характера, въ духѣ религіозно-мистическаго и консервативно-общественнаго направленія. Но, какъ бы ни были сложны основы такого міросозерцанія, въ немъ, подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ въ жизни его обладателя, въ концѣ концовъ выступаютъ именно тѣ стороны, которыя до той поры казались какъ бы затушованными посторонними наслоеніями, и которыя въ сущности являются наиболѣе характерными. И такой именно процессъ, какъ намъ кажется, совершался въ развитіи міросозерцанія Достоевскаго, для котораго могущественнымъ фактомъ, повліявшимъ на созданіе и выраженіе болѣе опредѣленнаго міросозерцанія, въ связи съ урегулированіемъ его душевнаго настроенія, послужило его пребываніе въ ссылкѣ, послѣ котораго

онъ особенно сильно сталъ проникаться славянофильствомъ и пропагандировать его въ своей дѣятельности. Поэтому для выясненія славянофильскихъ основъ въ сложномъ міросозерцаніи Достоевскаго необходимо прежде всего сгруппировать его мысли по вопросу о славянофильствѣ, по степени ихъ развитія, разбросанныя какъ въ публицистическихъ его статьяхъ, такъ и въ произведеніяхъ художественнаго творчества.

Но предварительно обратимся къ личнымъ признаніямъ самого Достоевскаго относительно того состоянія душевнаго міра, съ которымъ онъ вышелъ изъ каторги. Эти признанія выражены въ его письмахъ. Какъ извѣстно, Достоевскій вышелъ изъ каторги въ началѣ 1854 года. И вотъ какъ разъ отъ этого же года сохранилось одно особенно важное въ біографическомъ отношеніи письмо его къ брату, въ которомъ говорится, между прочимъ, хотя и въ общихъ чертахъ, о вѣрованіяхъ и надеждахъ, о томъ душевномъ настроеніи, которое и можетъ служить залогомъ будущаго, болѣе опредѣленнаго міровоззрѣнія. „Что сдѣлалось съ моей душой, съ моими вѣрованіями, съ моимъ умомъ и сердцемъ въ эти четыре года—не скажу тебѣ. Долго разсказывать. Но вѣчное сосредоточеніе въ самомъ себѣ, куда я убѣгалъ отъ горькой дѣйствительности, принесло свои плоды. У меня теперь много потребностей и надеждъ такихъ, о которыхъ я и не думалъ. Но это все загадки и потому мимо“ [1]). Очевидно, эта внутренняя работа была устремлена на уясненіе личнаго самосознанія, плодомъ чего и явились новыя „потребности и надежды“, о которыхъ опредѣленнѣе говорится дальше. „Вотъ я пишу къ тебѣ и распоряжаюсь всѣмъ, даже состояніемъ твоимъ. Но у меня вѣра въ тебя не погасла. Ты мой братъ и любилъ меня. Мнѣ нужно денегъ. Мнѣ надо жить, братъ. Не безплодно пройдутъ эти годы. Мнѣ нужно денегъ и книгъ. Что истратишь на меня—не пропадетъ. Ты не ограбишь своихъ дѣтей, если дашь мнѣ. Если только буду живъ, то имъ съ лихвой возвращу. Вѣдь позволятъ же мнѣ печатать лѣтъ черезъ шесть, а можетъ и раньше. Вѣдь много можетъ перемѣниться; а я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мнѣ... На душѣ моей ясно. Вся будущность моя, и все, что я сдѣлаю, у меня какъ передъ глазами. Я доволенъ своею жизнью“ [2]).

---

[1]) Русская Старина 1885, № 9.

[2]) Тамъ же.

Что же именно онъ долженъ сдѣлать изъ того, что у него какъ передъ глазами ?—„A propos: сколько я вынесъ изъ каторги народныхъ типовъ, характеровъ! Я сжился съ ними и потому, кажется, знаю ихъ порядочно. Сколько исторій бродягъ и разбойниковъ и вообще всего чернаго горемычнаго быта. На цѣлые томы достанетъ. Что за чудный народъ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узналъ не Россію, такъ народъ русскій хорошо и такъ хорошо, какъ, можетъ быть, немногіе знаютъ его“ [1]).

Стало быть, если писатель изъ близкаго соприкосновенія съ народомъ вынесъ хорошее знаніе этого народа, его симпатіи должны пріобрѣсти именно тотъ демократическій характеръ, который преисполненъ глубокой вѣры въ самый народъ и его родину, такъ какъ онъ „всегда былъ русскимъ по сердцу“. И такое именно объясненіе этихъ симпатій находимъ въ одномъ изъ его писемъ къ А. Н. Майкову отъ 18 янв. 1856 г. — „Увѣряю васъ, пишетъ здѣсь Достоевскій, что я, напр., до такой степенипродня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня,—это былъ русскій народъ, моя братья по несчастью, и я имѣлъ счастье отыскать не разъ даже въ душѣ разбойника великодушіе, потому собственно, что могъ понять его; ибо самъ былъ русскій. Несчастіе мое дало мнѣ много узнать практически, можетъ быть, много вліянія имѣла на меня эта практика, но я узналъ практически и то, что я всегда былъ русскій по сердцу“ [2]).

И любопытно, что Достоевскій почти сейчасъ же по выходѣ изъ каторги пишетъ стихотвореніе, въ которомъ впервые не загадочно, а уже вполнѣ съ славянофильской окраской вырисовываетъ особенность своихъ вѣрованій. Въ стихотвореніи „На Европейскія событія въ 1854 году“ написанномъ въ маѣ того же года, эти вѣрованія особенно выражаетъ слѣдующее мѣсто:

Спасемся мы въ годину навожденій,
Спасутъ насъ крестъ, святыня, вѣра, тронъ!
У насъ въ душѣ сложился сей законъ,
Какъ знаменье побѣдъ и избавленій!
Мы вѣры нашей спроста не теряли,
(Какъ былъ когда-то Западный народъ);

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

Мы вѣрою изъ мертвыхъ воскресали,
И вѣрою живетъ славянскій родъ.
Мы вѣруемъ, что Богъ надъ нами можетъ,
Что Русь живетъ и умереть не можетъ...

Затѣмъ дальнѣйшее выраженіе и развитіе славянофильскихъ идей и стремленій Достоевскаго можно прослѣдить въ его письмахъ. Такъ, въ томъ же письмѣ къ Ап. Н. Майкову отъ 18 янв. 1856 г. Достоевскій, между прочимъ, пишетъ: „Читалъ ваши стихи и нашелъ ихъ прекрасными; вполнѣ раздѣляю съ вами патріотическое чувство нравственнаго освобожденія славянъ. Это роль Россіи, благородной великой Россіи, святой нашей матери. Какъ хорошо окончаніе, послѣднія строки въ вашемъ Клермонтскомъ Соборѣ! [1]) Гдѣ вы взяли такой языкъ, чтобы выразить такъ великолѣпно такую огромную мысль? Да! раздѣляю съ вами идею, что Европу и назначеніе ея окончитъ Россія“... Точно также отмѣтимъ любопытное письмо къ Н. Н. Страхову изъ Дрездена отъ 23 апр. (5 мая) 1871 года, въ которомъ, между прочимъ, есть такое мѣсто: „У васъ была, въ одной изъ вашихъ брошюръ, одна великолѣпная мысль и, главное, первый разъ въ литературѣ высказанная, — это что всякій чуть-чуть значительный и дѣйствительный талантъ— всегда кончалъ тѣмъ, что обращался къ національному чувству, становился народнымъ, славянофильскимъ. Такъ свистунъ Пушкинъ, вдругъ, раньше всѣхъ Кирѣевскихъ и Хомяковыхъ, создаетъ лѣтописца въ Чудовомъ монастырѣ, т. е. раньше всѣхъ славянофиловъ высказываетъ всю ихъ сущность и, мало того— высказываетъ это несравненно глубже, чѣмъ всѣ они до сихъ поръ. Но этого мало: этотъ законъ поворота къ національному

[1]) Вотъ эти строки:

„За что же западные братья,
Забывъ свой подвигъ прежнихъ лѣтъ,
Ей (Россіи) шлютъ безумныя проклятья,
Какъ скрежетъ демоновъ во слѣдъ?..
За то, что намъ пришлось на долю
Свершить, что Западъ начиналъ,
Что насъ отнынѣ Богъ избралъ
Творить Его святую волю.
И, можетъ быть, враги предвидятъ,
Что изъ Россіи ледяной
Еще невиданное выйдетъ
Гигантовъ племя къ нимъ грозой!...

можно прослѣдить не въ однихъ поэтахъ и литературныхъ дѣятеляхъ, но и во всѣхъ другихъ дѣятеляхъ. Такъ что, наконецъ, можно бы вывести даже другой законъ: если человѣкъ талантливъ дѣйствительно, то онъ изъ вывѣтрившагося слоя будетъ стараться воротиться къ народу, если же дѣйствительно таланта нѣтъ, то не только останется въ вывѣтрившемся слоѣ, но еще эспатрируется, перейдетъ въ католичество и пр. и пр.“

На основаніи этихъ автобіографическихъ документовъ можно смѣло заключить, что славянофильское настроеніе ихъ автора впервые начинаетъ прозрачно проявляться именно въ разсматриваемую эпоху, такъ какъ въ эпоху, предшествующую его ссылкѣ, ничего подобнаго ни разу не было высказано, насколько объ этомъ можно судить по тѣмъ письмамъ, которыя до сихъ поръ успѣли проникнуть въ печать. Въ этихъ письмахъ, большинство которыхъ адресовано брату — М. М. Достоевскому, на протяженіи слишкомъ 10-ти лѣтъ, отъ 1837 до 1849 г. передаются факты или чисто литературнаго интереса, или же матеріальнаго, въ смыслѣ добыванія средствъ литературнымъ трудомъ: съ одной стороны, мы узнаемъ, что Достоевскій въ то время увлекался и перечитывалъ такихъ писателей, которые не могли имѣть какого-бы то ни было вліянія на выработку его позднѣйшихъ убѣжденій: это были—Шатобріанъ, Викторъ Гюго, Гомеръ, Шекспиръ, Шиллеръ, Гофманъ, Бальзакъ, Корнель, Расинъ, Жоржъ-Зандъ; съ другой стороны, мы знакомимся съ постепеннымъ ростомъ литературнаго успѣха самого Достоевскаго и съ тѣми неблагопріятными условіями, въ которыхъ ему приходилось работать, такъ какъ матеріальныя средства добывались исключительно литературнымъ трудомъ. Обращаясь непосредственно къ литературной дѣятельности Достоевскаго, какъ къ наиболѣе цѣльной выразительницѣ его славянофильскихъ воззрѣній и симпатій, въ отличіе отъ болѣе или менѣе случайныхъ заявленій о нихъ въ письмахъ, нужно имѣть въ виду двѣ особенности въ ихъ развитіи. Во-первыхъ, необходимо признать, что между обѣими сторонами, которыми выразилась литературная дѣятельность Достоевскаго,—художественной и публицистической, было, съ разсматриваемой точки зрѣнія, такое соприкосновеніе: позднѣйшая публицистика Достоевскаго была не чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ и сконцентрированнымъ завершеніемъ тѣхъ славянофильскихъ идей, которыя раньше, въ теченіе предшествующей художественной дѣятельности, высказывались какъ бы отрывочно и часто мимоходомъ, повидимому, безъ твердо-установившагося еще убѣжде-

нія. И потому неудивительно, при обозрѣніи славянофильскихъ вѣрованій Достоевскаго, во всей ихъ совокупности, встрѣтить частыя повторенія однихъ и тѣхъ же, по крайней мѣрѣ, основныхъ его мыслей. Во-вторыхъ, относительно непосредственно художественнаго творчества Достоевскаго, несомнѣнно, замѣтны тѣ же ступени въ развитіи его славянофильскихъ убѣжденій, какія мы отмѣтили и въ его перепискѣ. Первоначально Достоевскій, выступая лишь послѣдователемъ литературныхъ завѣтовъ, предписанныхъ его предшественниками, въ изображеніяхъ многихъ явленій общественной жизни не проявляетъ еще никакихъ спеціально славянофильскихъ тенденцій. Сюда можно отнести цѣлый рядъ сравнительно мелкихъ по объему произведеній, начиная съ „Бѣдныхъ людей“ и кончая произведеніями, написанными тотчасъ по выходѣ изъ каторги („Село Степанчиково“ и „Дядюшкинъ Сонъ“).

Но уже въ „Запискахъ изъ мертваго дома“ начинаютъ звучать тѣ мотивы, которые не разъ повторяясь впослѣдствіи, развились, наконецъ, въ широкій православно-славянофильскій аккордъ. Этими мотивами, какъ результатомъ близкаго соприкосновенія съ народомъ, были вѣра въ самостоятельную нравственную мощь русскаго народа и убѣжденіе въ отсутствіи близкой связи между интеллигенціей и народомъ, въ силу его нравственнаго превосходства.—„И сколько въ этихъ стѣнахъ“, заключаетъ Достоевскій свои „Записки“, погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо уже все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего“. И „стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ,—и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Не многому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу—напротивъ: сами они еще должны у него поучиться [1]).“ Эти мотивы, заявленные впервые въ „Запискахъ изъ мертваго дома“, не разъ поднимались Достоевскимъ и впослѣдствіи, какъ въ художественномъ творчествѣ, такъ и въ публицистикѣ, и каждый разъ разрѣшались именно въ пользу народа.

Припомнимъ изъ „Бѣсовъ“ споръ Шатова со Степаномъ Трофимовичемъ о людяхъ сороковыхъ годовъ и ихъ отношеніи къ

[1]) Записки изъ Мертваго Дома.

народу. На заявленіе Степана Трофимовича, что эти люди „сумѣли любить свой народъ, сумѣли пострадать за него и въ то же время не потворствовать ему въ извѣстныхъ понятіяхъ“, Шатовъ угрюмо проворчалъ: „Никогда эти ваши люди не любили народа, не страдали за него и ничѣмъ для него не пожертвовали, какъ бы ни воображали это сами себѣ въ утѣху!... Нельзя любить то, чего не знаешь, а они ничего въ русскомъ народѣ не смыслили. Всѣ они, и вы вмѣстѣ съ ними, просмотрѣли русскій народъ сквозь пальцы... Вы мало того, что просмотрѣли народъ,—вы съ омерзительнымъ презрѣніемъ къ нему относились, ужъ по тому одному, что подъ народомъ вы воображали себѣ одинъ только французскій народъ, да и то, однихъ парижанъ, и стыдились, что русскій народъ не таковъ. И это голая правда!“ [1]).

Вслѣдъ за этими общими чертами разъединенія интеллигенціи съ народомъ, въ тѣхъ же „Бѣсахъ“ рисуются болѣе детальныя черты этого разъединенія. Съ точки зрѣнія православно-славянофильской, такое разъединеніе наиболѣе должно обнаружиться въ религіозной сферѣ. И вотъ Достоевскій проводитъ сначала довольно общую мысль о необходимой связи между пониманіемъ народа и признаніемъ его вѣры. Эту мысль высказываетъ въ романѣ нѣсколько разъ Шатовъ. Сначала въ спорѣ съ тѣмъ же Степаномъ Трофимовичемъ Шатовъ, между прочимъ, говоритъ: „У кого нѣтъ народа, у того нѣтъ и Бога! Знайте навѣрно, что всѣ тѣ, которые перестаютъ понимать свой народъ и теряютъ съ нимъ свои связи, тотчасъ же, по мѣрѣ того, теряютъ и вѣру отеческую и становятся или атеистами, или равнодушными“ [2]). А во второй части, въ разговорѣ Шатова съ Ставрогинымъ, приводится опять та же мысль. „Вы помните“, говоритъ Шатовъ, выраженіе ваше—„атеистъ не можетъ быть русскимъ, атеистъ тотчасъ же перестаетъ быть русскимъ“, помните это?

— Да? какъ-бы переспросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Вы спрашиваете? Вы забыли? А между тѣмъ это одно изъ самыхъ точнѣйшихъ указаній на одну изъ главнѣйшихъ особенностей русскаго духа, вами угаданную. Не могли вы этого забыть! Я напомню вамъ больше—вы сказали тогда же: „не православный не можетъ быть русскимъ“ [3]).

---

[1]) „Бѣсы“, Ч. I, гл. 1.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, Ч. II, гл. I.

Любопытно дословное совпаденіе этой мысли съ признаніемъ князя Мышкина въ „Идіотѣ“: „Кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего отказался“ [1]).

Переходною ступенью отъ этой общей мысли къ болѣе конкретному опредѣленію религіозной сущности русскаго народа—православію, служитъ разсужденіе Шатова о необходимости, такъ сказать, религіозной спеціализаціи для каждаго народа. „Цѣль всякаго движенія народнаго“, говоритъ Шатовъ, „во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣры въ него, какъ въ единаго истиннаго“ [2]). А отсюда — одинъ шагъ къ признанію православія, какъ исключительно истинной вѣры. И дѣйствительно, это признаніе высказывается устами того же Шатова и основывается, въ свою очередь, на признаніи исключительной и главенствующей роли русскаго народа среди другихъ націй. „Всякій народъ“, разсуждаетъ Шатовъ, до тѣхъ только поръ и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякаго примиренія, пока вѣруетъ въ то, что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ... Истинный великій народъ никогда не можетъ примириться со второстепенною ролью въ человѣчествѣ или даже съ первостепенною, а непремѣнно и исключительно съ первою. Кто теряетъ эту вѣру, тотъ уже не народъ. Но истина одна, а стало быть, только единый изъ народовъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единственный народъ „богоносецъ“ — это русскій народъ“ [3]).

Наше изложеніе славянофильскихъ убѣжденій Достоевскаго, отразившихся въ разсмотрѣнныхъ романахъ, обнаруживаетъ извѣстную систему въ развитіи этихъ убѣжденій. Что касается остальныхъ романовъ, то въ нихъ трудно установить и врядъ ли возможно столь опредѣленную послѣдовательность въ дѣлѣ выясненія славянофильства, такъ какъ тамъ это выясненіе обусловливается большей или меньшей случайностью. Но зато позднѣйшія публицистическія статьи Достоевскаго, составляющія содержаніе его „Дневника писателя“ и, отчасти, „Записной

---

[1]) Идіотъ, ч. IV.
[2]) Бѣсы, ч. II, гл. 2.
[3]) Тамъ же.

книжки", представляютъ въ данномъ случаѣ вполнѣ аналогичную и лишь болѣе расширенную систему въ сравненіи съ той, которую мы только что установили.

Вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу, какъ коренной и исходный пунктъ изложенной системы, въ „Дневникѣ писателя" возбуждался трижды, и каждый разъ рѣшеніе его носило то или другое видоизмѣненіе, какъ послѣдовательное развитіе одной и той же мысли. Въ первоначальной постановкѣ вопроса и его рѣшеніи замѣчается еще нѣкоторое колебаніе и отсутствіе того абсолютизма, который характеризуетъ послѣдующія его рѣшенія. Писатель заявляетъ, „что мы должны преклониться передъ народомъ и ждать отъ него всего, и мысли и образа, преклониться передъ правдой народной и признать ее за правду даже и въ томъ ужасномъ случаѣ, если она вышла бы отчасти изъ Четьи Минеи [1]). Но немного ниже писатель вноситъ въ это заявленіе нѣкоторое ограниченіе, такъ-какъ „преклониться мы должны подъ однимъ лишь условіемъ и это sine qua non: чтобъ народъ и отъ насъ принялъ многое изъ того, что мы принесли съ собой". Онъ убѣжденъ, что „это нѣчто, что мы принесли съ собой, существуетъ дѣйствительно,—не миражъ, а имѣетъ и образъ, и форму и вѣсъ" [2]). А подъ этимъ „нѣчто", очевидно, разумѣются тѣ начала западной культуры, на отрицаніи которыхъ и зиждется вторая стадія въ развитіи поставленнаго вопроса, отличающаяся большей опредѣленностью. „И такъ, не объ наукѣ и не о промышленности надо поставить вопросъ, а собственно о томъ, чѣмъ мы, культурные люди, возвратясь изъ Европы, стали нравственно, существенно выше народа, и какую такую недосягаемую драгоцѣнность принесли мы въ формѣ нашей европейской культуры, точно ли мы такъ хороши собой и такъ безошибочно окультурены, что народную культуру по боку, а нашей поклонъ? На это прямо отвѣчу, что мы гораздо хуже народа и почти во всѣхъ отношеніяхъ" [3]).

Наконецъ, на высшей стадіи своего развитія вопросу объ отношеніи интеллигенціи къ народу дано уже вполнѣ абсолютное рѣшеніе. „Я прямо полагаю, что намъ вовсе и нечему учить такой народъ.. Я, разумѣется, не про ремесла говорю, не про технику, не про математическія знанія (этому и нѣмцы заѣзжіе

---

[1]) Дневникъ писателя 1876 г., февраль.

[2]) Тамъ же.

[3]) Дневникъ писателя 1876 г., апрѣль.

по найму научатъ, если мы не научимъ нѣтъ) — нравственное-то, высшее то, что ему передадимъ, что разъяснимъ и чѣмъ освѣтимъ эти „темныя души“? И что же мы сообщимъ блуждающему, чего бы онъ самъ не зналъ лучше насъ?“.. [1]). Что касается этого „нравственнаго“, „высшаго“, чѣмъ народъ существенно и отличается отъ интеллигенціи, то всему этому дана здѣсь точная формулировка. „Народъ русскій въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идеей православія въ полнотѣ, хотя и не разумѣетъ эту идею отвлеченно и научно. Въ сущности въ народѣ нашемъ, кромѣ этой идеи, и нѣтъ никакой, и все изъ нея одной и исходитъ, по крайней мѣрѣ, народъ нашъ такъ хочетъ всѣмъ сердцемъ своимъ и глубокимъ убѣжденіемъ своимъ. Онъ именно хочетъ, чтобы все, что есть у него и что даютъ ему, изъ этой лишь идеи и исходило“ [2]).

Помимо этого, то же самое читаемъ и въ „Записной книжкѣ“: Русскій народъ весь въ православіи и въ идеѣ его. Болѣе въ немъ и у него ничего нѣтъ—да и не надо, потому что православіе все... Кто не понимаетъ православія—тотъ никогда и ничего не пойметъ въ народѣ. Мало того: тотъ не можетъ и любить русскаго народа, а будемъ любить его лишь такимъ, какимъ бы желалъ его видѣть“ [3]).

Вся совокупность литературныхъ выраженій въ дѣлѣ славянофильскаго исповѣданія, повидимому, обнаруживаетъ въ Достоевскомъ довольно послѣдовательнаго систематизатора. А нѣкоторыя соображенія заставляютъ насъ усматривать въ его славянофильствѣ не тенденціозную задачу, а лишь инстинктивное усвоеніе доктрины, основанное на непосредственномъ чутьѣ художника. Вѣдь присутствіе тенденціи въ дѣятельности какого бы то ни было писателя обнаруживаетъ прежде всего его упорное и неуклонно однообразное освѣщеніе тѣхъ вопросовъ, которыхъ онъ касается въ своей дѣятельности. А въ дѣятельности Достоевскаго, въ особенности въ позднѣйшую его пору, мы постоянно наталкиваемся на противорѣчія. Если прослѣдить хотя бы отзывы Достоевскаго о славянофилахъ и ихъ ученіи въ „Дневникѣ писателя“, то въ этихъ отзывахъ найдемъ такія противорѣчія, которыя при наличности какой бы то ни было тенденціи невозможны,

---

[1]) Дневникъ писателя 1877 г., январь.

[2]) Тамъ же 1881 г., январь.

[3]) Біографія, письма и замѣтки Ѳ. М. Достоевскаго. Спб. 1883, стр. 360.

и которыя отнюдь не свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ авторѣ твердо установившихся убѣжденій: такое объясненіе было бы возможно, если бы авторъ впадалъ въ противорѣчія въ теченіе многихъ лѣтъ своей дѣятельности или же въ то время, когда самъ былъ слишкомъ юнъ. А между тѣмъ эти противорѣчія обнаруживаются главнымъ образомъ въ послѣдній періодъ его дѣятельности,—періодъ, непродолжительный самъ по себѣ и относившійся къ зрѣлой порѣ самого автора. Стало быть, соприкосновеніе Достоевскаго съ славянофильствомъ совершалось путемъ непосредственнаго художественнаго проникновенія, сопровождаемаго тѣмъ мечтательнымъ идеализмомъ, которымъ въ значительной степени были проникнуты почти всѣ славянофилы, и къ которому онъ самъ относился то отрицательно, то сочувственно. Противопоставляя славянофильство западничеству, Достоевскій писалъ въ своемъ „Дневникѣ“, что оно (славянофильство) „до сихъ поръ еще стоитъ на смутномъ и неопредѣленномъ идеалѣ своемъ, состоящемъ, въ сущности, изъ нѣкоторыхъ изученій стариннаго нашего быта, изъ страстной, но нѣсколько книжной и отвлеченной любви къ отечеству, изъ святой вѣры въ народъ и въ его правду, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ мечтательнаго представленія московскихъ баръ половины семнадцатаго столѣтія и, наконецъ, изъ мечтательной картины будущаго торжества надъ нѣмцами [1])... А между тѣмъ такихъ „мечтательныхъ представленій и картинъ“ далеко не чуждъ и самъ Достоевскій (ими проникнутъ почти весь „Дневникъ писателя“), а въ его „Записной книжкѣ“ даже выражается прямое сочувствіе этимъ непосредственнымъ пріемамъ изученія. „У насъ дошло до того, что Россіи надо учиться, обучаться какъ наукѣ, потому что непосредственное пониманіе ея въ насъ утрачено. Не во всѣхъ, конечно, и блаженъ тотъ, который не утратилъ непосредственнаго пониманія ея. Но такихъ немного. Всякій такой уже не западникъ и уже не партія“ [2]).

Итакъ, Достоевскій въ своихъ сужденіяхъ о славянофилахъ впалъ въ противорѣчіе, такъ какъ основывался въ нихъ не на предвзятой теоріи, а на томъ, что подсказывало ему чувство. А это чувство могло его иногда ввести и въ заблужденіе, такъ какъ ужъ слишкомъ нервно-впечатлительная была у него натура. Какъ бы то ни было, хотя область нашихъ наблюденій и далеко

[1]) Послѣднія литературныя явленія (Время 1861, ноябрь).

[2]) Біографія, Спб. 1883 г., стр. 373.

не захватываетъ всѣхъ проявленій славянофильства въ дѣятельности Достоевскаго, присутствіе ихъ и безъ того уже достаточно прозрачно. Мы признаемъ возможнымъ освободить себя отъ слишкомъ кропотливыхъ и однообразныхъ изысканій непремѣнно всѣхъ сужденій, когда бы то ни высказанныхъ Достоевскимъ въ сферѣ изучаемаго явленія, такъ какъ и разсмотрѣнныя сужденія уже достаточно характеризуютъ Достоевскаго, какъ славянофила. А въ этой характеристикѣ Достоевскій выступаетъ вполнѣ достойнымъ сыномъ своего народа: онъ, опредѣлившій однажды русскій либерализмъ, какъ „нападеніе не на существующіе порядки, а на самую Россію“ [1]).

Не презиралъ страны родной,—
Онъ зналъ ея предназначенье.

И этому предназначенью Достоевскій въ концѣ концовъ подыскалъ вполнѣ идеалистическую формулировку. Желая опредѣлить свое отношеніе къ славянофильству, онъ призналъ свое славянофильство такимъ, которое „кромѣ объединенія славянъ подъ началомъ Россіи, заключаетъ въ себѣ духовный союзъ всѣхъ вѣрующихъ въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединенныхъ славянъ, скажетъ всему міру, всему европейскому человѣчеству и его цивилизаціи свое новое здоровое и еще неслыханное міромъ слово. Слово это будетъ сказано во благо и во истину, уже въ соединеніе всего человѣчества новымъ, братскимъ, всемірнымъ союзомъ, начала котораго лежатъ въ геніи славянъ, и преимущественно въ духѣ великаго народа русскаго, столь долго страдавшаго, столь много вѣковъ обреченнаго на молчаніе, но всегда заключавшаго въ себѣ великія силы для будущаго разъясненія и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ недоразумѣній западно-европейской цивилизаціи“ [2]).

Л. Лобовъ.

---

[1]) Идіотъ, ч. III.
[2]) Дневникъ писателя 1877 г.

Письма западно-русскаго дворянина.

VI [1]).

Пожалуй, я уже вамъ надоѣлъ, повторяя нѣсколько разъ, что у васъ въ столицѣ умъ за разумъ заходитъ! Сердитесь не сердитесь, а я все-таки скажу, что теперь у васъ въ той же столицѣ умъ за разумъ окончательно зашелъ!

Можетъ быть, тамъ у васъ, въ Петербургѣ, это представляется иначе, яснѣе и свѣтлѣе, но на насъ обрѣтающихся здѣсь, въ глуши, оно производитъ въ высшей степени тяжелое, можно даже сказать безотрадное впечатлѣніе.

Есть у меня „гуменный“ человѣкъ съ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, грамотный и даже читаетъ газеты, которыя я приказываю ему передавать по его же просьбѣ [2]). Вотъ онъ мнѣ и говоритъ: „Отсежъ пышуть паны въ Петербурзи. Чи воны натріскалысь кукульвану, чи що?“ Объяснить ему, „чого воны натріскалысь“, весьма трудно, если не невозможно. Этого, пожалуй, никто и не станетъ оспаривать. Но развѣ объяснить это же самое такъ называемымъ интеллигентнымъ читателямъ легко? Конечно, нѣтъ, также очень трудно.

По мнѣнію „гуменнаго“, „натріскалысь кукульвану“, между прочимъ, тѣ, которые предлагаютъ Россіи заключить теперь же миръ съ Японіею. Онъ съ своей стороны полагаетъ, что нужно прежде всего разбить „гапона“ (т. е. японца) и заставить его заключить миръ для насъ выгодный и почетный, а для этого, въ свою очередь, нужны: достаточное время и достаточныя силы. Это понимаетъ „гуменный“, а „паны въ Петербурзи“, пишущіе въ

---

[1]) См. „Славянскія Извѣстія“, 1904 г., № 2, ноябрь, стр. 142—149.

[2]) Въ послѣднее время, мы съ сосѣдомъ Семеномъ Назаровичемъ выписали нѣсколько новыхъ газетъ разныхъ направленій и обмѣниваемся ими.

„Нашихъ Дняхъ“ и въ нѣкоторыхъ другихъ органахъ печати, этого же самаго не понимаютъ, ибо нельзя же допустить, чтобы они только притворялись непонимающими. Къ тому же на повѣрку выходитъ, что они не понимаютъ сущности и многихъ другихъ вопросовъ, въ томъ числѣ даже и такихъ, въ сферѣ которыхъ считаютъ себя первоклассными знатоками.

Возьмемъ для примѣра отзывы вашей столичной печати о князѣ П. Д. Святополкъ-Мирскомъ по случаю оставленія имъ поста министра внутреннихъ дѣлъ по разстроенному здоровью.

„Наши Дни“ не сомнѣваются въ томъ, что недолгое министерство князя Святополкъ-Мирскаго было сплошнымъ „благимъ порывомъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ полагаютъ, что князь ушелъ съ своего поста съ чувствомъ горькаго разочарованія, съ сознаніемъ своего безсилія, безплодности своихъ „порывовъ“. Поставивъ затѣмъ вопросъ, почему оказались безплодными „благіе порывы“ удалившагося съ политической сцены министра, газета, не могущая пожаловаться ни на избытокъ скромности, ни на недостатокъ самомнѣнія, замѣчаетъ, что „коренной и первоклассной ошибкой „системы“ нынѣ уходящаго министра является ея безсистемность. „Наши Дни“ судятъ только на основаніи результатовъ, т. е. на основаніи событій нашихъ дней въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Архипрогрессивный органъ печати, въ отношеніи узости своего кажущагося ему самому необыкновенно широкимъ, кругозора, можетъ оспаривать пальму первенства у самаго типичнаго бюрократа, одна мысль о которомъ дѣйствуетъ на него такъ, какъ красный цвѣтъ на испанскаго быка.

Нѣсколько ближе къ уразумѣнію истины, по крайней мѣрѣ отчасти, „Наша Жизнь“, которая находитъ у князя Святополкъ-Мирскаго ту самую программу, наличность коей отрицаютъ „Наши Дни“. По мнѣнію „Нашей Жизни“, программу эту выражаетъ извѣстное слово бывшаго министра: „довѣріе“. Газета не смѣшиваетъ программы съ ея исполненіемъ, какъ это дѣлаютъ другіе, но только запутывается въ опредѣленіи того, что разумѣлъ подъ этимъ словомъ самъ князь Святополкъ-Мирскій. Возможно, говоритъ газета, что никакого вполнѣ опредѣленнаго, конкретнаго значенія съ этимъ словомъ и не связывалось, особенно вначалѣ, на первыхъ порахъ. Возможно, что въ стремленіи ликвидировать нѣкоторую часть слишкомъ обременительнаго наслѣдства, оставленнаго покойнымъ Плеве, предполагалось, что этой цѣли можно достигнуть, расплачиваясь ассигнаціями словъ, а не звонкой монетой дѣлъ“. Слово „довѣріе“ облетѣло всю Россію, вызвавъ по-

всюду „трепетъ ожиданія“. Но, по мнѣнію газеты, „тутъ же сейчасъ и обнаружилось, что если и былъ расчетъ на притягательную приманку слова, то ему никоимъ образомъ не суждено оправдаться... Русское общество не захотѣло отпускать ничего въ кредитъ, оно потребовало матеріальныхъ обезпеченій и гарантій... Въ этомъ пунктѣ русское общество высказалось съ единодушіемъ и ясностью вполнѣ категорическою, не оставляющей мѣста ни для какихъ недоразумѣній. Если и было недоразумѣніе вначалѣ... то во всякомъ случаѣ, не со стороны русскаго общества, а съ другой стороны... Главная заслуга кн. Святополкъ-Мирскаго... и состоитъ въ томъ, что онъ далъ возможность выясниться указанному недоразумѣнію, выясниться разъ навсегда“... Только слѣпые могутъ еще и теперь не видѣть того, что болѣе нѣтъ мѣста для прекраснодушныхъ иллюзій моральнаго—и исключительно моральнаго—единенія, что единеніе отнынѣ возможно только на почвѣ прямого и положительнаго соглашенія—на почвѣ формальнаго и обязательнаго для обѣихъ сторонъ договора“.

Однимъ словомъ, тѣхъ же щей, что и въ „Нашихъ Дняхъ“, но только сначала пожиже, а затѣмъ и погуще влей. „Наша Жизнь“ начинаетъ какъ бы „за здравіе“, а кончаетъ „за упокой“. Какъ бы однако эта зрячая газета не оказалась болѣе слѣпою чѣмъ тѣ, коихъ она считаетъ слѣпыми. Она, изволите ли видѣть усмотрѣла въ русскомъ обществѣ „единодушіе“, требованіе „формальнаго и обязательнаго для обѣихъ сторонъ договора и т. п. И эти люди берутъ на себя смѣлость рѣшать судьбу Россіи.

„Единодушіе“ если и существуетъ, то лишь въ одномъ пунктѣ, а во всѣхъ остальныхъ господствуетъ болѣе или менѣе непримиримое разногласіе. Допустимъ, что всѣхъ этихъ пунктовъ 100. Въ иныхъ программахъ, составленныхъ современными недоучившимися или плохо учившимися соціологами, наберется ихъ до 50. Стало быть, если допустить, что въ этой работѣ примутъ участіе и люди, обладающіе достаточнымъ образовательнымъ и умственнымъ цензомъ, хотя бы изъ числа тѣхъ, кои требуютъ „договора“, то наберется и вся сотня.

Итакъ согласіе въ одномъ и разногласіе въ 99 пунктахъ. Къ тому же и согласіе въ одномъ пунктѣ не полное, ибо всѣ согласны лишь въ томъ, что современное положеніе дѣлъ неудовлетворительно, но расходятся въ опредѣленіи причинъ его неудовлетворительности. Развѣ это „единодушіе“? Нѣтъ, на нашъ взглядъ, это полная рознь! Если „Наша Жизнь“ это понимаетъ и такимъ образомъ сознательно искажаетъ истину, то это не го-

воритъ въ пользу ея добросовѣстности, а если она этого не понимаетъ, то это не говоритъ въ пользу ея проницательности и способности оцѣнивать тѣ явленія и отношенія, о которыхъ она рѣшается трактовать съ видомъ знатока.

Эти два органа не то крайне либеральнаго, не то радикальнаго, не то какого-нибудь иного, терпимаго цензурою направленія, по крайней мѣрѣ, достаточно послѣдовательны. Нельзя сказать того же о болѣе умѣренной, но, во всякомъ случаѣ, безспорно либеральной „Руси“, которая, впрочемъ, довольно часто, не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, занимается толченіемъ воды въ соотвѣтственномъ сосудѣ, а иногда можетъ и забрызгать грязью того, кто этого совершенно не заслужилъ. Правда, это происходитъ не отъ злого умысла, а такъ попросту, здорово живешь. Газета эта имѣетъ нѣчто общее съ тѣмъ представителемъ „отечественнаго Манчестера“, у котораго „селезенка играетъ“.

Нужно однако отдать, въ этомъ случаѣ, „Руси“ полную справедливость. Она не только обсуждаетъ дѣятельность „министерства благихъ намѣреній“, но и старается обосновать свои разсужденія, приводя цѣлый рядъ довольно недурно сгруппированныхъ фактовъ. „Какъ и все русское общество“, газета остается при особомъ „четвертомъ пунктѣ“: „Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ“. Констатируя тотъ фактъ, что кн. Святополкъ-Мирскому „не посчастливилось достичь этого единенія“, „Русь“ выражаетъ пожеланіе, чтобы этого удалось достичь его преемнику, „если онъ поставитъ себѣ задачею органическое, а не механическое успокоеніе государственной и народной жизни Россіи“.

Прекрасно, но именно относительно того, какъ достичь этого „органическаго успокоенія государственной и народной жизни Россіи“, и существуетъ указанное уже нами разногласіе, котораго и „Русь“ не замѣчаетъ, или не желаетъ замѣтить. Поэтому, въ общемъ и ея разсужденія едва ли могутъ быть поставлены выше разсужденій „Нашей Жизни“ и „Нашихъ Дней“.

Газета „Новости“, которую многіе либералы не хотятъ принять въ свою среду, но которую все-таки приходится причислить къ ихъ средѣ, относится къ князю Святополкъ-Мирскому съ гораздо большею симпатіею, чѣмъ предъидущіе органы печати, и вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣниваетъ его дѣятельность совершенно не такъ, какъ они. По ея мнѣнію, князь „угадалъ настроеніе ми-

нуты, угадалъ, какого именно слова ждетъ русское общество, и это слово было сказано... Смѣло и красиво брошенныя слова— были подвигомъ, и этотъ подвигъ совершилъ князь... Онъ хотѣлъ работать, хотѣлъ вести Россію впередъ, сдѣлать ее счастливой, спокойной... Но „разстроенное здоровье“, къ прискорбію, не позволило ему свой высокій порывъ обратить въ плоть и кровь... Онъ ушелъ. Но память о немъ... прочно закрѣплена въ исторіи русской общественности... И слѣдуетъ надѣяться, что начала, намѣченныя въ Высочайшемъ указѣ 12 декабря, и при преемникѣ князя Святополкъ-Мирскаго получатъ развитіе и осуществленіе, достойное культурнаго государства“...

Насколько послѣднее заключеніе отвѣчаетъ стремленіямъ и желаніямъ россійскаго либерализма, предоставляемъ судить объ этомъ либераламъ различныхъ оттѣнковъ; съ своей же стороны замѣтимъ, что Россіи слѣдуетъ всегда и всюду заботиться прежде всего о своемъ собственномъ благѣ, а не о томъ, чтобы получить одобрительную аттестацію за рѣшеніе стоящихъ на очереди вопросовъ, „достойное культурнаго государства“, не говоря уже о томъ, что, угодивъ въ этомъ отношеніи „Новостямъ“, не угодишь „Нашимъ Днямъ“, „Нашей Жизни“ и даже „Руси“. Гоняться за подобною аттестаціею было бы недостойно какого угодно государства.

Съ искреннимъ сочувствіемъ къ князю Святополкъ-Мирскому относятся „Петербургская Газета“, Биржевыя Вѣдомости“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и „Новое Время“. Изъ нихъ „Петербургская Газета“ проявляетъ, пожалуй, наибольшую осторожность, ибо совершенно справедливо замѣчаетъ: „Исторія не можетъ постановить своего опредѣленнаго приговора о государственномъ человѣкѣ тотчасъ, въ самый день его ухода со сцены. На это потребно время“. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію газеты, „въ общихъ чертахъ можно сказать, что система кн. Святополкъ-Мирскаго не могла еще и не успѣла распространить свое вліяніе на перемѣны во всемъ районѣ ея дѣйствій, но въ нѣкоторыхъ областяхъ плоды ея побѣдъ уже достаточно сказались. И наибольше всего въ области печатнаго слова... Русская пресса, во всякомъ случаѣ, добрымъ словомъ провожаетъ недолго главенствовавшаго надъ нею министра“...

Спасибо и за это, но, положа руку на сердце, можетъ ли сказать „русская пресса“, что она оправдала довѣріе, оказанное ей бывшимъ министромъ и что она, вмѣстѣ съ тѣмъ, сослужила вполнѣ хорошую службу Россіи? Въ этомъ позволительно сомнѣ-

ваться. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы наша печать сознательно приносила вредъ родинѣ. Ничуть не бывало. Она хотѣла приносить ей пользу, но благими намѣреніями, какъ говорятъ, и адъ вымощенъ. Чего больше принесла она Россіи: вреда или пользы? Вотъ вопросъ, на который добросовѣстный органъ печати не рѣшится дать категорическій отвѣтъ въ благопріятномъ для „русской прессы“ смыслѣ.

Въ остальномъ три изъ числа послѣднихъ четырехъ газетъ, которыя мы признаемъ умѣренно-либеральными, не говорятъ ничего новаго сверхъ того, что сказано предъидущими, но только говорятъ болѣе осторожно и по всему видно, что онѣ не такъ требовательны, какъ предъидущія. Нѣсколько особнякомъ стоитъ „Новое Время“, которое нѣкоторыми россійскими радикалами и либералами причисляется къ консервативнымъ органамъ, но, въ сущности, можетъ считаться представителемъ умѣреннаго національно-либеральнаго направленія, къ сожалѣнію, только не выдерживающимъ этого направленія съ сколько-нибудь достаточною строгостью, какъ это видно, напримѣръ, изъ того, что въ этой газетѣ г. Энгельгардтъ, какъ бы въ силу какого то чуда, уживается съ г. Меньшиковымъ. Говорятъ, что это „парламентъ мнѣній“, но въ такомъ случаѣ у читателей можетъ явиться неодолимое отвращеніе къ какому бы то ни было парламенту, ибо то, чѣмъ онъ угощаетъ публику, слишкомъ ужъ похоже на какофонію.

„Свѣтъ“, подобно „Петербургской Газетѣ“, благоразумно замѣчаетъ, что „тотчасъ по уходѣ министра, невозможно вдаваться въ оцѣнку кратковременной дѣятельности и указывать на его правильныя и неправильныя дѣйствія“. Относясь къ бывшему министру съ полною симпатіею, „Свѣтъ“ заключаетъ: „Князь Святополкъ-Мирскій ушелъ, но не ушли сказанныя имъ золотыя слова. Твердо вѣруя въ то, что исконныя русскія начала—Православіе, Самодержавіе, Народность—могутъ дѣйствовать во всей своей мощи лишь при широкомъ развитіи общественныхъ самоуправляющихся силъ, мы не допускаемъ мысли, чтобы какой бы то ни было министръ не раздѣлялъ мнѣнія князя Святополкъ-Мирскаго о довѣріи правительства къ народу. Иначе оно и быть не можетъ. Правительство, которое не имѣло бы этого довѣрія, отрицало бы само себя“.

Это говоритъ газета, относимая радикалами и либералами по преимуществу космополитическаго направленія, къ „охранителямъ“, а между тѣмъ и она ставитъ „довѣріе“ такъ же вы-

соко, какъ это дѣлаютъ и самые заправскіе либералы. Мало того, она высказывается въ пользу „широкаго развитія общественныхъ самоуправляющихся силъ!“ Чего же больше можно еще желать съ умѣренно либеральной точки зрѣнія? Однако отъ этой газеты открещиваются чуть ли не всѣ либералы и при томъ дѣлаютъ это совершенно не по той причинѣ, по которой они же открещиваются отъ „Новостей“. Почему? Догадываться, пожалуй, не стоитъ. Вмѣсто этого должно отмѣтить, что „Свѣтъ“ ставитъ на соотвѣтственное мѣсто исконныя русскія начала—Православіе, Самодержавіе и Народность и благодаря этому, даетъ совершенно иное освѣщеніе и пресловутому „довѣрію“. Это прямая противоположность воззрѣнію тѣхъ, кои находятъ, что „болѣе нѣтъ мѣста для прекраснодушныхъ иллюзій моральнаго единенія“, и требуютъ „договора“ и при томъ обязательнаго для обѣихъ сторонъ.

„Гражданинъ“ вмѣсто „довѣрія“ ставитъ не только на первое, но даже на единственное мѣсто „порядокъ“. По его мнѣнію, министромъ внутреннихъ дѣлъ долженъ быть человѣкъ, „идеально честный, не способный обманывать ни Царя, ни Россіи, безъ ярлыка либерализма или консерватизма, по опыту оказавшагося ненужнымъ, ибо либералъ, когда онъ не честенъ, обманываетъ Россію, а консерваторъ, когда онъ не честенъ, обманываетъ Царя... Нуженъ такой министръ внутреннихъ дѣлъ, который бы ясно и твердо сознавалъ, что если 100 милліоновъ крестьянъ не хотятъ кричать: „долой Самодержавіе“, то и князья... и адвокаты, и газеты не должны смѣть этого кричать. И если это пойметъ министръ внутреннихъ дѣлъ, то очень скоро то же поймутъ и князья... и адвокаты, и земцы, и гапоны, и даже газеты. А разъ всѣ это поймутъ, вернется порядокъ, какъ единственный вѣрный путь къ свободѣ каждаго!“...

Какъ будто бы все это очень просто, ясно и вразумительно! Но это только на первый взглядъ. Строго говоря, издатель „Гражданина“ и не либералъ, и не консерваторъ. Его и понять нельзя. Онъ, наравнѣ съ россійскими радикалами и съ нѣкоторыми „истами“, предлагалъ Россіи заключить теперь же миръ съ Японіею, чего не предлагаютъ даже либералы, за рѣдкими исключеніями, а въ то же время, съ точки зрѣнія его программы даже и „Свѣтъ“ долженъ быть признанъ ультра-либеральною газетою! Онъ стоитъ за Самодержавіе, а между тѣмъ полагаетъ, что либералъ можетъ обманывать только Россію, тогда какъ консерваторъ можетъ обманывать только Царя. Неужели онъ не пони-

маетъ, что Россію нельзя отдѣлять отъ Царя и Царя нельзя отдѣлить отъ Россіи?

Конечно, порядокъ есть conditio sine qua non существованія и процвѣтанія благоустроеннаго политическаго организма. Но неужели порядокъ исключаетъ „довѣріе?“ Вмѣсто того, чтобы говорить, только „порядокъ“, не слѣдуетъ ли говорить: „порядокъ“ и „довѣріе“? О необходимости гармоническаго сочетанія этихъ двухъ идей никто и не подумалъ, или, по крайней мѣрѣ, категорически объ этомъ не заявилъ, а ближе всѣхъ къ сознанію этой истины подошли тѣ органы печати, которые болѣе другихъ принижаются своими собратьями. Неужели такая печать можетъ руководить обществомъ? Конечно нѣтъ, она можетъ являться только отраженіемъ его образа и при томъ обнаруживающимъ скорѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя его стороны. За примѣрами ходить не далеко.

Радикальная и либеральная печать, нерѣдко съ пѣною у рта, набрасывалась на органы національнстическаго направленія за то, что они будто бы „натравливали“ господствующую національность противъ нѣкоторыхъ другихъ національностей, пріютившихся подъ кровомъ русскаго государства. Если даже они и были правы, то не болѣе, какъ по отношенію къ одному только органу, да и это „натравливаніе“ было, во всякомъ случаѣ, на болѣе интенсивно, чѣмъ натравливаніе, шедшее въ обратномъ направленіи. Обвинялись, напримѣръ, нѣкоторыя русскія газеты въ томъ, что онѣ, „натравливали“ русское и вообще православное населеніе нѣкоторыхъ нашихъ губерній противъ евреевъ. А кто же „натравливалъ“ польское и католическое населеніе Ченстохова и нѣкоторыхъ другихъ городовъ русской Польши также противъ евреевъ, но только мѣстныхъ? Конечно, не русскія газеты! Вообще это обвиненіе неосновательно.

А вотъ либеральныя и радикальныя газеты, равно какъ и другія изданія тѣхъ же направленій, дѣйствительно „натравливали“ и продолжаютъ „натравливать“ людей не военныхъ противъ людей военныхъ и вообще противъ всего военнаго. Достаточно вспомнить только хотя бы часть того, что печаталось у насъ по поводу извѣстнаго „инцидента“, въ которомъ были замѣшаны врачъ Забусовъ и генералъ Ковалевъ.

Расправа, произведенная генераломъ Ковалевымъ, конечно, представляетъ фактъ въ высшей степени возмутительный. Ни одинъ изъ военныхъ людей, съ которыми мнѣ приходилось говорить объ этомъ дѣлѣ, не расходился со мною въ ея оцѣнкѣ.

Самъ генералъ Ковалевъ, въ своемъ заявленіи, напечатанномъ въ одной изъ столичныхъ газетъ и перепечатанномъ другими, назвалъ то, что онъ сдѣлалъ, своимъ „преступленіемъ“. Судъ, какъ оказывается, отъ закона не отступалъ. Конечно, можно сожалѣть о томъ, что г. Забусовъ не былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля, но видѣть въ этомъ проявленіе злого умысла несправедливо. Сколько бываетъ дѣлъ и засѣданій и у насъ, и за границею, гдѣ практикуются дѣйствительныя и серьезныя отступленія отъ закона, а печать ихъ только констатируетъ и совсѣмъ не возмущается. Почему же она такъ возмутилась въ этомъ случаѣ?

Причинъ много, но одна изъ нихъ выступаетъ слишкомъ явно; умалчивать не приходится. Есть и въ обществѣ, и въ печати люди, питающіе недобрыя чувства къ военнымъ людямъ: одни въ силу своихъ убѣжденій (хороши же однако убѣжденія!), другіе вслѣдствіе какихъ-нибудь личныхъ счетовъ и столкновеній. Есть и среди военныхъ людей достойные ихъ соперники. И вотъ тѣ и другіе вызываютъ различные болѣе или менѣе прискорбные „инциденты“. Если бы они еще сталкивались исключительно между собою, то зло было бы меньше. Къ сожалѣнію, они сталкиваются большею частью съ людьми совершенно чуждыми подобнымъ дикимъ воззрѣніямъ и отношеніямъ и являющимися совершенно невинными жертвами печальной необходимости принадлежать къ составу того же общества, въ которомъ процвѣтаютъ различные самодуры, саврасы безъ узды и т. п. Къ тому же военные люди выходятъ изъ того же общества, а потому если между ними и встрѣчаются подобныя личности, то обществу „нечего пенять на зеркало, коли рожа крива“.

Чѣмъ лучше генерала Ковалева, напр., хотя бы г. горный инженеръ Н. Родыгинъ, который самъ же заявляетъ въ „Руси“ слѣдующее: „11-го января, въ 7 ч. вечера, когда я по своимъ дѣламъ шелъ по Литейному пр., у меня съ однимъ офицеромъ около зданія арміи и флота произошло неожиданное столкновеніе. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ глубоко врѣзавшихся въ нашу память трагическихъ событій, я при встрѣчѣ съ этимъ офицеромъ обронилъ совершенно импульсивно и мимоходомъ какое то отрывочное и задѣвающее его выраженіе [1]). Правъ я или нѣтъ,—вопросъ совершенно особый, но все происшедшее затѣмъ было таково, что я считаю долгомъ

[1]) Курсивъ мой.

остановить на немъ общественное вниманіе". Затѣмъ г. Родыгинъ излагаетъ дальнѣйшій ходъ инцидента: офицеръ (полковникъ гвардіи) предложилъ ему слѣдовать за собою въ помѣщеніе экономическаго общества офицеровъ гвардейскаго корпуса, приказалъ солдатамъ его обыскать, пригласилъ затѣмъ полицію и т. д.

Г. Родыгинъ судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ быть не можетъ. Необходимо еще выслушать показанія полковника, котораго онъ оскорбилъ, людей, которые его обыскивали, заявленіе полиціи и т. д. Если бы даже онъ изложилъ это дѣло вполнѣ вѣрно, то, конечно, пришлось бы выразить сожалѣніе по поводу того, что офицеръ принялъ такія мѣры, которыхъ принимать не слѣдовало и т. д., но все же оказывается, что зачинщикомъ „инцидента", былъ не офицеръ, а г. Родыгинъ, который не только первый оскорбилъ офицера, но, повидимому, не находитъ даже въ этомъ ничего предосудительнаго. Онъ не приводитъ своего отрывочнаго „выраженія", которое, по его же признанію, задѣвало офицера. Стало быть, оно неудобно для приведенія его въ печати. Г. Родыгинъ говоритъ, между прочимъ, что услышавъ сзади окрикъ, онъ остановился и былъ готовъ „принять полную отвѣтственность за свое восклицаніе". Жаль, что онъ не поясняетъ, какой отвѣтственности онъ ожидалъ? „Офицеръ искалъ взглядомъ, повидимому, городового", котораго, очевидно не было. Офицеръ могъ нанести г. Родыгину ударъ обнаженнымъ оружіемъ, или ножнами, не обнажая оружія, или, наконецъ, просто рукою, не употребляя въ дѣло оружія. Офицеръ, видимо, не хотѣлъ прибѣгать къ этому способу. Другой способъ: офицеръ могъ потребовать визитную карточку у оскорбителя и затѣмъ потребовать у него удовлетворенія установленнымъ для этого порядкомъ. А въ такомъ случаѣ, можетъ быть, оскорбитель отказался бы отъ подобнаго удовлетворенія и могъ бы остаться безнаказаннымъ. Офицеръ могъ тоже находиться подъ впечатлѣніемъ тѣхъ или другихъ событій, а тутъ еще ни съ того, ни съ сего оскорбленіе. Если онъ поступилъ не такъ, какъ слѣдовало поступить, то не г. Родыгину объ этомъ судить. Г. Родыгинъ, во всякомъ случаѣ, самъ началъ это дѣло и виноватъ въ гораздо большей степени, чѣмъ офицеръ. По всему вѣроятію, дѣло это выяснится въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и тогда можно будетъ о немъ судить; пока же можно только замѣтить, что г. Родыгинъ долженъ быть поставленъ ниже генерала Ковалева, ибо генералъ Ковалевъ и не думаетъ себя оправдывать, а прямо признаетъ себя виновнымъ, тогда какъ г. Родыгинъ, судя по его объясне-

ніямъ, склоненъ считать оскорбленіе другихъ лицъ какъ бы своего рода невиннымъ препровожденіемъ времени. Будемъ надѣяться что больше такихъ инженеровъ у насъ на Руси не имѣется.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Въ одной изъ вышеупомянутыхъ вашихъ столичныхъ газетъ напечатана статья подъ заглавіемъ: „Нужды просвѣщенія“, а въ ней помѣщена „записка 342 ученыхъ“, которые, нарисовавъ картину жалкаго состоянія у насъ просвѣщенія, но не выяснивъ всѣхъ дѣйствительныхъ причинъ этого явленія, констатируютъ опровергнутый уже отчасти выше фактъ, что будто бы, „русское общество объединилось въ одной мысли, настойчиво выраженной“ въ резолюціяхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей, въ постановленіяхъ московской городской думы, земскихъ собраній и т. д., а затѣмъ присоединяются „къ этимъ заявленіямъ мыслящей Россіи“ и высказываютъ „твердое убѣжденіе, что для блага страны безусловно необходимо установленіе незыблемаго начала законности и неразрывно съ нимъ связаннаго начала политической свободы. Не ограничиваясь этимъ, г.г. ученые приходятъ къ слѣдующему заключенію: „Опытъ исторіи свидѣтельствуетъ, что эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ привлеченія свободно-избранныхъ представителей всего народа къ осуществленію законодательной власти и контролю надъ дѣйствіями администраціи“. По мнѣнію этихъ ученыхъ, „только на этихъ основахъ обезпеченной личной и общественной свободы,—можетъ быть достигнута свобода академическая — это необходимое условіе истиннаго просвѣщенія“.

Въ числѣ подписавшихъ имѣется 16 членовъ академіи, 125 профессоровъ и адъюнктъ-профессоровъ; остальные, въ числѣ 201,— доценты, преподаватели, ассистенты и лаборанты. Такимъ образомъ преобладаютъ звѣзды 2-й, 3-й и т. д. до n—ой величины; звѣздъ 1-й величины сравнительно немного. Къ тому же въ числѣ подписавшихъ оказывается немало врачей, математиковъ, химиковъ, техниковъ и т. п. спеціалистовъ, которые, въ отношеніи общественныхъ наукъ, обладаютъ лишь весьма скромнымъ цензомъ той самой средней школы, о которой они сами говорятъ, что она подавляетъ личность и ученика, и учителя и убиваетъ „такія качества человѣческой души, развитіе которыхъ составляло бы ихъ прямое назначеніе—любовь къ знанію и умѣніе самостоятельно мыслить“.

На мой взглядъ, г.г. ученые хватили черезъ край. Ужъ имъ то не пристало искажать факты. „Единодушія“ нѣтъ. Зачѣмъ же

о немъ говорить и на немъ основывать свои глубокомысленныя, но не обоснованныя соображенія?

Чего же они хотятъ? Созыва собранія „свободно избранныхъ представителей всего народа“? А что если въ это собраніе попадетъ г. Родыгинъ и иные ему подобные представители современной „прогрессивной“ части русскаго общества? Неужели для равновѣсія нужно будетъ избирать генерала Ковалева? Воля ваша, а выводъ одинъ: центръ тяжести вашей столицы перемѣщается въ направленіи къ Удѣльной.

Нѣтъ, далеко не вся мыслящая Россія съ ними согласна, а подавляющее большинство всей Россіи уже начинаетъ выступать противъ нихъ!

Большинство московскаго дворянства, курское и другія дворянскія собранія, нѣкоторыя земства, общества старообрядцевъ, крестьянскія общества. Это только начало! Наши торопливые реформаторы слишкомъ рано празднуютъ побѣду! Объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Т. Щербаченко.

Хуторъ Истинка.
Конецъ Января 1905 года.

Къ исторіи румыно-сербской взаимности.

Въ одной сербской рукописи, „Законникѣ“ Софійской народной Библіотеки (№ 218), находимъ необычайный титулъ Стефана Душана—„благочестиваго и христолюбиваго, македонскаго царя Стефана срьбьскаго, бльгарскаго, угарскаго, далматьскаго, арбанаскаго, угровлахійскаго и инымъ многимъ предѣломъ и землямъ самодрьжца“. Конечно, этотъ титулъ не имѣетъ подъ собой фактической основы, и мы напрасно будемъ искать историческихъ оправданій [1]) столь обширной территоріи воинственнаго сербскаго царя XIV в. Особенно непонятнымъ представляется внесеніе въ эти предѣлы и Валахіи, на самомъ дѣлѣ никогда не находившейся подъ сербской властью, но всегда дружественной по отношенію къ сосѣдней славянской державѣ. Объясненіемъ такой странности можетъ служить только эпоха рукописи—XVII вѣкъ, когда укрѣпленіе народнаго самосознанія балканскихъ народовъ находило себѣ поддержку въ утопическихъ мечтахъ о единеніи всего славянства, быть можетъ, единеніи всѣхъ народовъ, страдавшихъ отъ турецкаго ига и жаждавшихъ освобожденія. Національная стихія въ то время еще не существовала и покорялась болѣе широкому критеріуму— православію; на ряду съ православіемъ стоялъ славянскій книжный языкъ, общій у сербовъ, болгаръ, румынъ и русскихъ. Подъ давленіемъ общаго и видимаго врага исчезла прежняя національная вражда, и память о братскихъ кровопролитіяхъ XIV вѣка замѣнилась неясными пока мечтами о союзѣ всѣхъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Нужно было отыскать историческія оправданія этимъ надеждамъ, и неизвѣстный славянскій книжникъ обратился къ далекому прошлому, когда, по его

---

[1]) Ср. статью Д. Іовановича: „Како су се ширале међе српској држави за владе Стевана Душана и области Његовој царевине“, Гласник, кн. LXVIII, стр. 76 и слѣд.

представленію, всѣ эти народы были объединены подъ скипетромъ славнаго царя-воина, политика-націоналиста и книжника-практика.

Тѣмъ не менѣе, остается неразрѣшеннымъ вопросъ относительно одной прибавки къ титулу Душана—„угровлахійскаго“. Были ли для нея на самомъ дѣлѣ какія нибудь реальныя данныя, или же фантазія сербскаго книжника XVII вѣка включила Валахію во владѣнія Душана безъ всякихъ основаній? Собранные нами факты, изъ которыхъ многіе, несомнѣнно, были извѣстны и въ XVII вѣкѣ, говорятъ, что основаній было много, и что они были прочныя.

Прежде всего сдѣлаемъ обзоръ сербско-румынской взаимности въ области политическихъ сношеній. Сосѣдство румынъ съ сербами восходитъ къ глубокой древности. Если принять во вниманіе новѣйшую теорію о родинѣ румынъ, теорію, которая вмѣсто однихъ Карпатъ или Балканъ значительно расширяетъ предѣлы этой территоріи и указываетъ на земли, лежащія на западъ отъ Дуная, между Тисой и Адріатикой, какъ на колыбель румынской націи [1]), то значительная часть романцевъ, жившихъ среди сербовъ въ историческую эпоху, окажется даже первоначальнымъ населеніемъ. Поэтому начало ославяненія сѣверной части Балканскаго полуострова можно возводить къ значительно позднему времени, по крайней мѣрѣ, къ VII вѣку. Вмѣстѣ со славянами, романцы появляются въ Македоніи, Ѳессаліи, Албаніи и на востокѣ полуострова. Затѣмъ начинается мѣстная ассимиляція „влаховъ“ со славянами, при чемъ вліяніе оказалось обоюдное.

Терминъ „власи“, означающій въ наиболѣе старыхъ документахъ румынъ-пастуховъ, мы думаемъ, можно понимать только въ смыслѣ этническомъ, національности, а не занятія или религіи, какъ это было позднѣе. Мы не будемъ указывать общеизвѣстныхъ фактовъ упоминанія о сербахъ и валахахъ въ очень старыхъ грамотахъ—собственно сербскихъ, напр. у Стефана Немани, боснійскихъ, напр. бана Матвѣя Нинослава XIII вѣка и хорватскихъ, напр. у князя Ганца Франка пана XV вѣка; въ истрійскихъ документахъ XII, XIII и XIV в.в. среди славянъ встрѣчаются собственныя имена въ румынской формѣ съ постпозитивнымъ членомъ, съ прибавленіемъ этническаго термина

[1]) O. Densusianu, Histoire de la langue roumaine Paris 1902, I, pp. 302—303.

„rumîn“ [1]). Во вторыхъ, въ земляхъ, населенныхъ сербами, нерѣдки топографическія названія въ родѣ Влах, Влашица, Влашић, Влашко брдо, Влашка долина, Влашка коса, Влашки потокъ и тому подобныя. Наконецъ, мы думаемъ, что романскаго происхожденія рагузанская фамилія Влаховичей, извѣстная съ XIV вѣка и давшая талантливыхъ поэтовъ [2]), такъ какъ романскій элементъ въ Далмаціи, Хорватіи, Герцеговинѣ, собственно Сербіи и другихъ земляхъ западной части Балканскаго полуострова былъ необыкновенно силенъ въ средніе вѣка [3]).

Съ другой стороны, припомнимъ не менѣе извѣстные факты—массовыя миграціи сербовъ въ Валахію и валаховъ въ земли съ преобладающимъ сербскимъ населеніемъ. Припомнимъ, напримѣръ, карашевцевъ или крашованъ въ прежнемъ Темешскомъ Банатѣ, явившихся въ XV вѣкѣ изъ старой Сербіи вмѣстѣ съ румынами и др. [4]). Укажемъ также нѣсколько случаевъ сравнительно поздняго переселенія румынъ изъ господарства Валахіи; напр., въ 40-хъ годахъ XVII вѣка изъ Малой Валахіи (Олтеніи) ушло около 10.000 семействъ въ Банатъ, быть можетъ, и въ Хорватію. Объ отдѣльныхъ случаяхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а въ румынской географической номенклатурѣ совершенно обычны названія въ родѣ „Sêrbî, Sêrba, Sêrbescî, Sêrbănescî, Sêrbăneascâ, Sêrbule, Sêrbile, Sêrbilor, Sêrbii, Sêrbisoarî и т. п.

Поэтому вполнѣ естественно, что выступившая на историческое поприще Валахія должна была стать въ извѣстныя отношенія къ Сербіи, а турецкія завоеванія на балканскомъ полуостровѣ должны были соединить военныя силы всѣхъ народовъ, которымъ угрожала могучая сила несокрушимой рати, въ томъ числѣ и румынъ. Валахи встрѣтились съ турками впервые въ половинѣ XIV вѣка, помогая видинскому царю Срацимиру. Слѣдующая битва, у Марицы въ 1371 году, застаетъ валаховъ въ союзѣ съ сербами, болгарами и венграми, подъ командой Вукашина. Папа Григорій XI говоритъ о побѣдѣ турокъ, которые шли

---

[1]) Revistă critică-literară, an IV, № 9, pp. 260—261.

[2]) Мы не можемъ присоединиться къ мнѣнію К. Иречка о связи этого отчества съ Vlaho, именемъ святого Blasius (San Biagio), покровителя города. Archiv für Slav. Philologie, bd. XIX, I, 63.

[3]) K. Jireček, Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Wien. I. 1901.

[4]) L. Miletić. Ueber die Sprache und Herkunft der sog. Krašovaner Archiv für slav. Philologie, bd. XXV.

„contra nonnullos magnates et populos partium Greciae, Walachiae et regni Basciae", а по болѣе опредѣленнымъ турецкимъ извѣстіямъ, валашскій отрядъ помогалъ сербамъ и боснійцамъ. Болѣе подробно объ этомъ говоритъ извѣстное „Родословіе сербскіихъ царей". Послѣ 1371 года король венгерскій Людовикъ помирился съ „влахозапланинскимъ" воеводой Владомъ, тестемъ Уроша Младого. „И запроси Владь воевода помочь одь краля угарского Лудовика, да му испусти одь узилищь Статимира (sic) князя болгарскога, идѣже бяше заточень 12 лѣтъ во граду Гемлечу, во держави хрватской бысть. И опрошчень бысть Статимирь изь темнице. И по освобожденіи его призываеть его Влахота воевода влахозапланински и показуеть ему смерть за Уроша зета своега, како га е убіо Волкашинь краль зависти ради. И умолѣнь бысть Статимирь князь Влахотомь воеводомь и по томь устремлѣнь бысть на Вукашина краля со всею силою своею" и т. д. [1]).

Вслѣдъ за битвой у Прочника, когда турецкое войско было разбито на голову, болгарскій царь Шишманъ задумываетъ первый союзъ христіанскихъ государей противъ турокъ. Къ нему, по всей вѣроятности, примыкаетъ и валашскій господарь Мирча, обѣщая помочь сербамъ и болгарамъ. По крайней мѣрѣ, это видно изъ послѣдующаго хода событій. Какъ извѣстно, надеждамъ славянъ на освобожденіе не суждено было сбыться. Косовская битва имѣла плачевный исходъ. Кромѣ валаховъ, въ ней участвовали, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и молдоване. Но грозную участь сербовъ раздѣлили только черезъ два года, послѣ неудачной битвы Мирчи противъ Баязета (1391); первое же время послѣ Косова валашскій господарь согласился платить султану 3.000 золотыхъ ежегодно и этимъ избавилъ свою страну отъ немедленаго порабощенія. Но и послѣ этого пораженія Мирча не смирился, почему, покоривъ Тырновъ, Баязетъ перешелъ Дунай и 10 октября 1394 года вступилъ въ бой съ валашскимъ господаремъ, который соединился съ Стефаномъ Лазаревичемъ и другими сербскими героями въ Малой Валахіи у Равнискихъ болотъ. Теперь разбиты были турки.

Поэтическое описаніе этой битвы находимъ въ юго-славянской лѣтописи, сохранившейся въ Сборникѣ половины XVI вѣка молдавскаго монастыря Слатины. Множество турокъ поднялось и пошло противъ валаховъ, предводительствуемыхъ Мирчей воеводой. Произошелъ великій бой, во время котораго пало много

[1]) Гласник, кн. XXI, стр. 250.

избранныхъ турокъ и христіанскихъ господарей; среди нихъ были Костантинъ Драгашевичъ и Марко Кралевичъ. „И сломлено было такое безчисленное множество копьевъ, что нельзя было видѣть воздуха отъ множества стрѣлъ, а окровавленной рѣкѣ нельзя было течь отъ множества человѣческихъ труповъ; самъ же Баязетъ устрашился и побѣжалъ“ [1]). Описаніе этой же битвы находимъ у другого современника, Константина Костенчскаго, въ Житіи деспота Стефана Лазаревича.

Черезъ два года Мирча принимаетъ участіе въ Никопольской битвѣ, командуя лѣвымъ крыломъ второй арміи. Видя превосходство врага и слабыя силы союзниковъ, Мирча покидаетъ поле сраженія и переходитъ Дунай, ища спасенія за рѣкой. Въ 1400 году онъ посылаетъ въ Адріанополь новому султану Магомету дары и признаніе его власти; вмѣстѣ съ валашскими, сюда прибыли и сербскіе послы. Къ этому времени румынскіе историки относятъ и первый трактатъ между Мирчей и султаномъ и думаютъ, что примѣръ болгаръ, сербовъ и албанцевъ заставилъ валашскаго господина смириться, сохранивъ этимъ относительную самостоятельность своего господарства [2]). Сербскій „Родословъ“ говоритъ о дружелюбныхъ отношеніяхъ Стефана Лазаревича и валашскаго Мирчи. По возвращеніи изъ Царьграда, гдѣ заключенъ былъ миръ съ султаномъ, Стефанъ приходитъ въ „Савроматію“ и „съ великою чьстью отъ тѣхъ начельника пріемлетьсе, Мирчѣ воеводѣ, и дроуголюбезьно учрѣждаетьсе многыи дьни, къ своей его земли проваждаеть“, послѣ чего основываетъ Ресаву [3]). Наконецъ, сербская лѣтопись сохранила извѣстіе, что въ 1409 году Мусія собралъ войско въ дунайскихъ странахъ— изъ валаховъ, сербовъ и болгаръ, къ нему присоединился сербскій деспотъ Стефанъ и пошелъ походомъ противъ Цаланія, разбивъ его подъ Царьградомъ. Кромѣ того, одинаковые интересы сербовъ и валаховъ привели къ союзу ихъ съ венграми въ концѣ XIV вѣка.

Какъ ни странно, но первый по времени историческій фактъ въ области сербо-валашскихъ отношеній рисуетъ враждебныя

---

[1]) Archiv für Slav. Philologie, bd. XIII, 530. Сербскія лѣтописи относятъ сраженіе къ 10 октября 1397 года, указываютъ мѣсто „на Ровинахъ“ и приводятъ еще нѣсколько именъ павшихъ героевъ, Гласник кн. LIII, стр. 75.

[2]) I. Bogdan, Luptele românilor cu turcii, pp. 16, 32.

[3]) Гласник, кн. LIII, стр. 41.

отношенія между обоими народами. Мы имѣемъ въ виду битву у Вельбужда, происходившую въ концѣ іюня 1330 года, когда первый независимый валашскій господарь Іоаннъ Басарабъ (1310—1338) помогалъ своему родственнику болгарскому царю Михаилу противъ сербовъ, но неудачно, въ память чего Стефанъ построилъ церковь Вознесенія на томъ мѣстѣ, „идѣже тѣньта (палатка) его бѣ“. Въ сербскихъ лѣтописяхъ и „Родословахъ“ говорится, что противъ Стефана Уроша III „изиде начельникъ скитьскыи, гаголемыи Михаиль царь съ силою многою, и съ нимь—окрьстніи езици, глаголю же татари, бесараби съ прочими“ [1]), а Троношская лѣтопись прибавляетъ, что царь Михаилъ „взя помощи у басарабовъ и волховъ“ (sic), что болгары были поражены, а полчища ихъ разогнаны (Рукопись Румынской Академіи, № 78), хотя Житіе этого царя, составленное Цамблакомъ, совсѣмъ не упоминаетъ о валахахъ. Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ также и чтеніе студеницкаго текста тѣхъ же лѣтописей, не оправдывающееся другими: въ разсказѣ о правленіи князя Лазаря здѣсь внесено слѣдующее извѣстіе: „царь Амуратъ сьбираетъ вьсе съ турскыми множьствы и татаре и иные вьсточьные езыкы и глаголемые карамане, грьки же и бльгари, и басараби, и арбанаси, исходитъ на сего благочьстиваго князя Лазаря, хотѣ и сего подь собою учинити“ [2]). Впрочемъ, повторяемъ, этотъ фактъ стоитъ одиноко и не вяжется съ общей картиной сербовалашскихъ союзныхъ дѣйствій.

Съ потерей самостоятельности и всякой надежды на возможность освобожденія отъ ига, сербы прекращаютъ активное участіе въ военныхъ дѣлахъ и только слѣдятъ за сраженіями валашскихъ и молдавскихъ господарей съ турками. Въ „Сказаніи вкратцѣ лѣтомь, сущимь отъ Адама до нынѣшнѣго врѣмене родомь“, представляющемъ первую общую юго-славянскую исторію и сохранившемся въ упомянутой молдавской рукописи,— среди сербскихъ событій 1355—1490 гг. находимъ слѣдующія пять извѣстій, касающихся валаховъ и молдованъ: походъ турокъ противъ влаховъ и гибель Марка и Константина въ 1395 году, побѣда Янкула надъ Мезитъ-бегомъ въ Валахіи на Яловницѣ въ 1442 году; побѣда молдавскаго господаря Стефана надъ турками въ 1472 году; походъ Мехмеда на того же Стефана въ 1476 году; взятіе Баязетомъ молдавскихъ городовъ Килія и Бѣл-

[1]) Гласник, кн. LIII, стр. 10, 38, 61.
[2]) Тоже тамъ же, стр. 17—18.

града въ 1483 году. Среди болгарскихъ событій 1296—1413 годовъ подобныхъ извѣстій меньше.

Въ собственно сербскихъ лѣтописяхъ, кромѣ указанныхъ раньше событій XIV вѣка, находимъ слѣдующія извѣстія, касающіяся румынской исторіи XV—XVII вв.[1]):

1419 г. преставился великій воевода угровлахійскій Іоаннъ Мирча (мѣсяцъ и число варіируются).

1421 г. августа 15 султанъ Кришчія плѣнилъ землю влашскую.

1437 г. царь Муратъ вмѣстѣ съ влахами пошелъ противъ угровъ на Сибинъ, войско его погибло, а онъ самъ убѣжалъ.

1440 г. іюня 2 умеръ воевода Данъ, „храбровавь доблестьне на измаилти".

1442 г. въ мартѣ воевода Янкулъ поразилъ Мезитъ-бега въ Валахіи.

1442 г. въ сентябрѣ онъ же разбилъ Хадумъ-пашу на Яловницѣ на влашской землѣ.

1442 г. турки связали воеводу Влада и поставили Мирчу, причемъ плѣнили влашскую землю и попалили Тырговище.

1462 г. царь Мехметъ ходилъ противъ Влада Дракуловича, но вернулся безъ результата. По другимъ версіямъ—„и прогна Дракула Влада изъ землѣ".

1463 г. ходилъ „царь" на влаховъ, и разбилъ его Дракулъ ночью.

1472 г. умеръ угровлахійскій воевода Радулъ.

1475 г. турки ходили противъ влаховъ (или „на богданьчеву землю т. е. Молдавію"), и разбилъ ихъ „каробогдань", послѣ чего они вернулись посрамленные.

1476 г. царь Мехмедъ ходилъ противъ молдавскаго воеводы Стефана и разбилъ его (вар. „и не получи ништо").

1477 г. тотъ же султанъ ходилъ противъ молдованъ.

1484 г. царь Баязетъ перешелъ Дунай и взялъ „градь славьни и добрый" Килію и Бѣлгородъ на морѣ и всѣ города Стефана молдавскаго.

1495 г. умеръ воевода угровлахійскій Калугеръ, а престолъ получилъ сынъ его Радулъ.

1508 г. умеръ Радулъ воевода Влашскій.

1508 г. Димитрій Якшичъ разбилъ воеводу Михню у Сибина.

1513 г. января 25 Мехмедъ-бегъ разбилъ воеводу Влада Калугеревича въ Валахіи.

1532 г. царь Сулейманъ ходилъ на Петра молдавскаго воеводу, и тотъ побѣжалъ предъ нимъ изъ своей земли.

1543 г. возвратился воевода молдавскій Петръ къ царю, и царь возвратилъ ему его землю.

1562 г. воевода молдавскій Александръ побѣжалъ къ царю за помощью и затѣмъ снова вернулся въ свою землю.

1564 г. султанъ плѣнилъ Молдавію и погубилъ Митрашина.

---

1) Гласник, кн. LIII, стр. 80, 81, 85, 87, 88, 97, 98, 99, 101, 104, 105, 106, 109, 111, 112, 113, 122, 125.

1567 г. царь изгналъ Петра воеводу угровлахійскаго и вмѣсто него поставилъ воеводу Александра.

1568 г. преставился Александръ воевода молдавскій, а преемникомъ его сдѣлался сынъ его.

1568 г. воевода (валашскій) Петръ умеръ далеко за моремъ въ заточеніи.

1575 г. ходилъ Сіаушть (sic)-баща на Молдавію.

1576 г. былъ голодъ по всей Македоніи и Валахіи.

1578 г. явилась звѣзда опашитая, и войско (турецкое) ходило въ Молдавію.

1628 г. ходили турки на Молдавію.

1689 г. ходилъ Виторань (sic) на Видинъ, но не взялъ его и пошелъ на Валахію.

1696 г. сраженіе султана Мустафы въ Валахіи у Тисы [1]).

Такую же цѣнность въ нашихъ глазахъ представляютъ записи сербскихъ книжниковъ на рукописяхъ о событіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ румынской исторіи. Напр., въ одной рукописи, хранившейся до 1640 года въ Бѣлградѣ, повидимому, при архіепископской церкви, сдѣлана запись о битвѣ въ валашской землѣ и побѣдѣ господаря Матвѣя надъ молдавскимъ господаремъ Василіемъ Лупу [2]). На рукописи Бѣлградской Академіи находимъ запись о походѣ турокъ „на Христово стадо богоизбранное, и воевати и свете црькве запустевати и Богданской и Каравлашкой земли“ въ 1768 году [3]); другая рукопись сохранила довольно подробное описаніе бѣдствій, связанныхъ съ вторженіемъ турокъ въ Валахію и нападеніемъ на Тырговище въ 1770 году [4]), и др. Однимъ словомъ, активная роль въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ христіанскихъ народовъ противъ турокъ смѣняется у сербовъ живымъ интересомъ ихъ книжныхъ людей къ долгой о доблестной борьбѣ румынъ противъ общихъ всему славянству враговъ.

Одновременно съ сношеніями чисто-политическими, шли сношенія столь же дружественнаго характера—семейныя между царственными домами Сербіи и Валахіи вмѣстѣ съ Молдавіей. Наряду съ фактами вполнѣ или относительно достовѣрными, въ нашемъ распоряженіи имѣется нѣсколько интересныхъ догадокъ

---

[1]) Приводя эти извѣстія, мы передаемъ возможно близко текстъ лѣтописей и не провѣряемъ ихъ другими данными, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу.

[2]) Стојановичъ, Записи и натписи, I, 342.

[3]) Тамъ же, II, 231.

[4]) Тамъ же, II, 236.

старинныхъ румынскихъ и сербскихъ книжниковъ. Прежде всего отмѣтимъ теорію о „сербскомъ“ происхожденіи первой валашской династіи. Эта теорія, повидимому, стояла въ связи съ извѣстной теоріей о римскомъ происхожденіи Неманичей. Неизвѣстный авторъ „Первоначальной исторіи Валахіи“, написанной въ 1668—1680 гг., говоритъ, что „Басарабешты“, первая валашская господарская фамилія, „ведутъ свое начало отъ сербскаго рода“ („дин неам сърбеск“) [1]). Другая валашская хроника, XVIII в., говоритъ, что валахи „добыли себѣ (аѫ добѫндит) господаря изъ сербскаго рода (дин нѣмѫл сърбеск)—великаго князя Негру воеводу Басараба“ [2]), но мы не можемъ понимать послѣдній терминъ въ буквальномъ значеніи, такъ какъ румынскіе книжники стараго и новаго времени словами „sîrb“, „sĕrbesc“ опредѣлили вообще южныхъ славянъ [3]).

По мнѣнію румынскихъ ученыхъ, преданіе о задунайскомъ происхожденіи Басарабовъ легко могло въ поздней версіи превратиться въ „сербское“, особенно послѣ частыхъ случаевъ родственныхъ сближеній между представителями этой династіи и сербскими правителями [4]). Уже второй валашскій воевода объединенной Ольтеніи, Литуонъ или Литонъ (1247—1279), по свидѣтельству Никифора Григоры, выдалъ свою дочь за сербскаго краля Стефана Милутина (θυγατρὶ του τῆς Βλαχίας ἄρχοντος), который вскорѣ разошелся съ ней [5]). Впрочемъ, здѣсь можно допустить ошибку, такъ какъ въ „Родословіи сербскіихь царей“ говорится о второмъ бракѣ царя Милутина на Симонидѣ, дочери греческаго царя Андроника Палеолога, и о рожденіи отъ этого брака Константина: „по времену же воспріять Константинъ себѣ супругу дащи Владислава воеводе херделскаго“ [6]). Послѣ 1317 г. Константинъ поднялъ возстаніе противъ брата, Стефана Уроша IV, былъ побѣжденъ и умеръ въ бою.

Слѣдующій случай относится къ первой половинѣ XIV вѣка. То же „Родословіе“ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Стефанъ кралъ Дечански, по смрьти супруге свое перве, узе супругу вторую, дащи Басарабе воеводе влахозапланинскаго, и Басараба

---

[1]) Revista p. istorie, archeologie etc, an. II, vol. I, p. 78.
[2]) B. Hâjdĕû, Istoria critică, p. 81.
[3]) Григорій Цамблакъ, стр. 21—24.
[4]) D. Onciul. Originele princ. române, p. 116.
[5]) Тамъ же, стр. 51, 173—174.
[6]) Гласник, кн. XXI, 241.

воевода дарова дащери своей и зятю Стефану кралю Дечанскомь часть державе своея каравлашку—Кралѣво и градъ сеи одь текущаго Дунава до Олту и до планинскія горн". Отъ этого брака родился Стефанъ Душанъ [1]). Вотъ почему Душанъ могъ быть, въ глазахъ неизвѣстнаго книжника XVII в., угравлахійскимъ царемъ. Нѣсколько иное освѣщеніе придаетъ этому сближенію Троношская лѣтопись, хранящаяся въ Румынской Академіи (№ 78): Душанъ „воевалъ на Угравлахію и отъ нихъ взялъ некая мѣста, обаче потомъ возвратилъ на миру, егда Басараба дъщеръ обручилъ за спна своего Младаго Уроша". Въ одной грамотѣ ватиканскаго архива „валашской книжной" называется и жена Вукашина [2]), отца Марка Кралевича, погибшаго, какъ мы знаемъ, на поляхъ Валахіи. Конечно, и это извѣстіе требуетъ провѣрки другими данными, которыми мы пока не располагаемъ.

Существуютъ также указанія, что сестра валашскаго господаря Владислава I Басараба (1364—72) была замужемъ за сыномъ Стефана Душана, Урошемъ молодымъ; впрочемъ, Лукари называетъ ее дочерью Владислава: Vulaico rè di Valachia accasò Slava sua figlinola col principe Urosc di Servia [3]); по мнѣнію другихъ ученыхъ, это была Елена, дочь, вѣрнѣе внучка валашскаго господаря Александра (1338—64). Дѣйствительно, въ упомянутомъ „Родословіи" описывается правленіе этого воинственнаго краля, и между прочимъ приводится слѣдующее извѣстіе послѣ разсказа о побѣдѣ надъ хорватами: „по томъ посла свою войску до Влахозапланинску землю къ Лакоте (sic) воеводи, возискавь дъщерь его Елену во супружество сыну своему Урошу въ лѣто Господне 1355: тую и получи радость". Немного ниже еще разъ повторяется, что Урошъ молодой, вступившій на престолъ въ 1357 году, „имѣвь себѣ супругу Елену, дьщіи Лаоте воеводе влашкогь (влахозапланинскаго)", но вскорѣ былъ убитъ на охотѣ Вукашиномъ. Послѣ 1371 года венгерскій король Людовикъ „сотвори миръ съ Влади воеводомъ влахозапланинскимъ, со тастемь царя Уроша Младогь" [4]). Наконецъ, къ той же серіи браковъ въ XIV вѣкѣ относится замѣтка нѣкоторыхъ списковъ сербскихъ краткихъ лѣтописей, которыя говорятъ, что четвертая дочь царя Лазаря была выдана за Радула воеводу „у Угре" [5]), а по мнѣнію

[1]) Тамъ же, стр. 245.
[2]) E. Hurmuzaki, Documentele, vol. I, p. 158.
[3]) Originea principatelor, 178.
[4]) Гласник, XXI, 248, 249.
[5]) Тамъ же, LII, 70—71.

Б. Хыджеу, жена господаря Дана (1384—1386) была дочерью Вука Бранковича и племянница князя Лазаря [1]).

Несмотря на замѣтное смѣшеніе въ приведенныхъ фактахъ, мы все-таки должны замѣтить, что „Родословіе“ XVII вѣка хорошо освѣдомлено относительно румынскихъ событій, и, какъ увидимъ ниже, подробныя извѣстія ея о сербо-румынскихъ отношеніяхъ начала XVI вѣка, а именно, о приходѣ въ Валахію владыки Максима Бранковича, являются въ полномъ смыслѣ слова первоисточникомъ.

И въ XVI вѣкѣ румынскіе господари женятся на сербкахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, напримѣръ, сербское происхожденіе Деспины, супруги валашскаго Іоанна Нягоя (1512—1521) и племянницы только что упомянутаго митрополита Максима, сына послѣдняго сербскаго деспота Стефана Бранковича. По мнѣнію Б. Хыждеу [2]), сербкой была и „госпожа Кьяжна“, жена валашскаго господаря Мирчи Чёбана (1546—54, 1558—59), но Кьяжна—дочь Петра Рареша, молдавскаго господаря, какъ увидимъ ниже, женатаго дѣйствительно на сербкѣ Еленѣ, слѣдовательно, здѣсь нельзя говорить о непосредственномъ бракѣ. Повидимому, сербскаго происхожденія была и Стана, жена валашскаго господаря Михаила Витязя (1593—1601), племянница кратовскаго бана Добромира и Іоанна Кантакузина, повидимому, извѣстнаго боярина Юрія Бранковича [3]). Отъ Бранковичей же ведетъ свое происхожденіе валашская фамилія Brancoveanu, изъ которой извѣстны кратовскіе баны и валашскіе господари—наиболѣе просвѣщенные и знаменитые.

Переходя къ Молдавіи, отмѣтимъ прежде всего аналогичное валашскому преданіе о сербскомъ происхожденіи господарской династіи Мушатовъ (Mușatești), занявшихъ престолъ послѣ прекращенія фамиліи Богдановичей. О родоначальникѣ ихъ, Костѣ Мушатинѣ, одна анонимная лѣтопись говоритъ: „non scitur, ubi principaverit; dicitur, quod ejus genus ex familia despotiana regum Serviae“ [4]). У Кости было три сына—Петръ (1375—91), Романъ (1391—93, 1399—1400) и Стефанъ (1393—99). Въ послѣднемъ Ч. Міятовичъ склоненъ видѣть того Стеву Мусича сербскихъ народныхъ пѣсенъ, за котораго Князь Лазарь выдалъ свою

---

[1]) Negru-Vodă. Bucuresci. 1898. pp. CCXLIII—CCXLIV.

[2]) Istoria critica, p. 93.

[3]) T. Jorga. Genealogia Cantacuzinilor. Bucuresci. 1902.

[4]) Pray, Dissertationes. p. 140.

сестру Драгиню [1]). Если же мы припомнимъ, что Петръ Мушатъ былъ присланъ, по просьбѣ выборныхъ молдованъ, валашскимъ господаремъ Радуломъ I (1373—1884), родственникомъ Петра съ одной стороны, и зятемъ краля Лазаря съ другой, то предположеніе сербскаго ученаго находитъ нѣкоторую почву.

Сюда же относится та генеалогія, которой оправдывалъ свои притязанія на молдавскій престолъ Яковъ Гераклидъ, болѣе извѣстный въ лѣтописяхъ подъ именемъ „Якова Деспота“ (1561—63), онъ называлъ себя „деспотомъ Сербіи“, считался родственникомъ Краля Лазаря и потомкомъ Гргура, старшаго сына деспота Юрія Смедеревскаго; въ одномъ изъ писемъ къ Карлу IX французскій посланникъ въ Константинополѣ называетъ его „despots de la Servia“. Конечно, можно сомнѣваться въ сербскомъ происхожденіи Якова, такъ какъ извѣстно, что онъ—сынъ греческаго мореплавателя о-ва Хіоса или Крита [2]), но въ нашихъ глазахъ важно то, что придуманная имъ генеалогія какъ будто давала ему нѣкоторое право на молдавскій престолъ.

Переходимъ къ болѣе достовѣрнымъ фактамъ. По словамъ лѣтописи Урѣке, вторая жена молдавскаго господаря Петра Рареша, Елена, была сербка изъ фамиліи сербскихъ деспотовъ, дочь Іоанна Гераклида, потомка сербской княжеской фамиліи [3]), по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ,—изъ дома Бранковичей [4]). Послѣ перваго низложенія своего мужа, она написала письмо къ султану Сулейману, по-славянски, „такъ какъ знала по-сербски“, она говорила здѣсь объ угрызеніяхъ совѣсти ex-господаря, сваливала всю вину на бояръ и просила султана позволить Петру пріѣхать въ Константинополь, чтобы оправдаться. Ея просьба была уважена, и въ январѣ 1540 года Петръ выѣхалъ изъ мѣста своего изгнанія, а въ слѣдующемъ году снова получилъ престолъ [5]). „Царское“ происхожденіе Елены видно еще изъ того, что въ описаніи разставанія Петра съ семьей, молдавскій хронистъ митр. Макарій называетъ ее „царицей“: „и распростерь руцѣ свои и цѣломудрьную свою сожительницу царицу Елену обять рыдааше“ [6]), а также изъ надгробной надписи въ мона-

---

[1]) Летопис Матице Српске, кн. 187, стр. 7.

[2]) A. Xenopol, Istoria românilor, vol. V, pp. 48—49.

[3]) Archiva istorică, I, 1, p. 99.

[4]) E. Picot, Genealogie de la famille Brancović, Columna lui Trajan, 1883, p. 64.

[5]) Xenopol, Istoria românilor, vol. IV. p. 235.

[6]) I. Bogdan, Vechile cronice, p. 159.

стырѣ Проботѣ, гдѣ Елена называется „дъщерь деспотова царѣ“ [1]). Наконецъ, одну изъ своихъ дочерей Елена выдала за валашскаго господаря Мирчу Чебана, сохранившую въ своемъ имени „Кьяжна“ намекъ на княжеское происхожденіе, другую, Евдокію,—за Христу Балоша, внука одного изъ зетскихъ Бальшичей, переселившихся въ Молдавію въ 1477 году. Прибавимъ еще, что Б. Хыджеу считаетъ сербками Деспину, мать господаря Стефана Великаго, Роксанду—жену Александра Лопушняна, и Елисавету—жену Іереміи Могилы [2]).

Теперь переходимъ къ тѣмъ сербамъ, которые переселялись въ Валахію и Молдавію, начиная съ XV вѣка. Упомянутая раньше валашская хроника, составленная въ 1678—80 гг., говоритъ, что не всѣ насельники румынскихъ земель были румынами, но большинство ихъ явилось изъ другихъ странъ, въ особенности тѣ, которые теперь считаются „болѣе благородными“: „одни изъ нихъ—изъ сербовъ, другіе—грековъ, иные—албанцевъ, иные—западныхъ (фр*нчп) и другихъ народовъ, подобно господарямъ, изъ которыхъ большинство было изъ чужеземцевъ, напримѣръ, Басарабещи происходятъ изъ сербскаго рода“ [3]). Изъ такихъ бояръ на первомъ мѣстѣ стоятъ Бальшичи, потомки зетскихъ Большей, бывшіе въ родствѣ съ лучшими сербскими фамиліями, французскими въ Провансѣ и итальянскими въ Неаполѣ. Въ 1477 году двое изъ Бальшичей, Федоръ и Иванъ, покинули Вѣну и „вмѣстѣ съ дѣтьми и женами“ явились въ Сочаву ко двору Стефана Великаго съ рекомендательнымъ письмомъ Фридриха III. Господарь далъ имъ помѣстья въ Молдавіи, а въ половинѣ XVI вѣка сюда же, ко двору Александра Лопушняна, пришли внуки Бальши“ герцога отъ Св. Саввы“ и Стефана Косача [4]). Очень возможно, что первымъ фактомъ слѣдуетъ объяснять внесеніе въ молдаво-турецкую лѣтопись, составленную въ 1512 году и вообще очень скудную на обще-славянскія событія, извѣстія о смерти Больши Зетскаго въ 1421 году [5]).

Были и другіе бояре-сербы. Въ валашской грамотѣ 1413 г. упоминается бояринъ Станчо Сръбулъ; въ молдавской 1447 г.—панъ Сръбулъ постельникъ, 1571 года—покупатель помѣстья

---

[1]) А. Яцимирскій, Слав. рукописи рум. библіотекъ, стр. 866.
[2]) Istoria critică, p. 93.
[3]) Revista p. istorie, archeologie etc., an. II, vol. I, p. 78.
[4]) Гласник, кн. XLIX и LXVI, стр. 219—227.
[5]) А. Яцимирскій, Изъ слав. рукописей, стр. 82.

„Пенкулъ синь Сирбинь“, конца XVI вѣка—великій стольникъ Сърбулъ и т. д. [1]). Особую группу свидѣтельствъ составляютъ данныя о хорватахъ, бывшихъ на службѣ у валашскихъ господарей. Нягое Басарабъ (1512—1521) называетъ „самымъ благороднымъ изъ господарскаго дома“—Харвата спатаря, родственника династіи Кравещій и основателя монастыря Мотру. При валашскомъ господарѣ Александрѣ II (1567—77) стольникъ Харватъ былъ посланъ для раздѣленія помѣстій, принадлежащихъ Крайовещамъ; за это порученіе господарь далъ ему села Баплещи и Пискъ Дырвалулуй; но у сына его села были отняты Михаиломъ Витяземъ и отданы Рымникской епископіи [2]). Онъ же упоминается въ двухъ грамотахъ Александра, 1577 и 1578 гг.: „жупанъ Харватъ стольникъ“ или „великій стольникъ“ [3]), а въ 1618 году—Иванъ постельникъ-сынъ стольника Харвата [4]). Одинъ изъ представителей той же фамиліи, Харватъ логоѳетъ, въ 1543 году владѣлъ селомъ Харватещи въ Олтеніи. Прибавимъ, что въ началѣ XVII вѣка молдавскій престолъ занималъ Гашпаръ Граціани, какъ думаютъ нѣкоторые румынскіе историки,—хорватъ съ итальянизованной фамиліей. Въ началѣ XVIII вѣка въ молдавскомъ монастырѣ Хоморѣ былъ игуменъ Варлаамъ Хорватъ, въ 1723 году посвященный въ санъ „дикея“ (Псалтырь мон-ря Агапіи № 2); владѣльцемъ рукописи „Дамаскинъ“ былъ киръ Никола Хорватъ сынъ Даниловъ изъ села Сопотъ (Рукопись Бѣлградской Нар. Библіот., № 60). Наконецъ, главными помощниками валашскаго господаря Михаила Витязя (1593—1601) въ военныхъ предпріятіяхъ были сербы—баба („Старина“) Новакъ и Юрій Рашанинъ, банъ крайовскій [5]).

Къ этому прибавимъ, что въ войскѣ молдавскаго господаря Стефана Великаго (1457—1504) были и сербы, и хорваты. Съ XIV вѣка начинаются экономическія сношенія румынъ съ сербами княжества, южной Венгріи и адріатическаго побережья [6]). Объ этомъ мы можемъ судить по упоминаніямъ въ грамотахъ

---

[1]) В. Ульяницкій, Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній и т. д., стр. 71; Revista p. istorie, archeologie etc., vol. I, p. 187.

[2]) Revista p. istorie etc., vol. VIII, pp. 76, 78.

[3]) Сборникъ болг. министерства, т. IX, стр. 361, 363.

[4]) Revista p. istorie etc, vol. VIII, p. 78.

[5]) B. Hâjdèû, Istoria criticà, p. 98.

[6]) Ср. Ч. Міатовичъ, „Студије за историју српске трговине XIII и XIV вв., Гласник, кн. 33, стр. 191—236, кн. 37, стр. 189—249, кн. 38, стр. 79—140.

тѣхъ льготъ, которыя распространялись на товары, идущіе изъ земель съ сербскимъ населеніемъ. Изъ отдѣльныхъ случаевъ укажемъ, что въ 1644 году въ Крайовѣ жилъ купецъ-католикъ, который подписался, среди славянскихъ подписей, латинскими буквами: „Iuan Harvatin". Повидимому, то же лицо упоминается въ судебномъ дѣлѣ 1629 года, гдѣ фигурируетъ Іованъ Латинулъ, т. е. „католикъ", „отъ Босна-Сераю" [1]).

Наблюденія надъ старой культурой Валахіи показываютъ, что сербское вліяніе на валаховъ коснулось самыхъ разнообразныхъ сторонъ старой румынской культуры: не только вся ихъ письменность XIV—XVII вв. была сербской или болгарской по формѣ, отчасти и по содержанію, но и народный эпосъ во многихъ случаяхъ сохранилъ такіе сюжеты, отдѣльныя черты и характерныя подробности, которыя вмѣстѣ со слѣдами въ языкѣ пѣсенъ, можно объяснить только сербскимъ вліяніемъ. Стоитъ, напримѣръ, познакомиться съ содержаніемъ румынскихъ пѣсенъ о Маркѣ Витязулѣ, сравнить ихъ съ пѣснями о Маркѣ Кралевичѣ,—и мы найдемъ, что юго-славянскій богатырь не перемѣнилъ у румынъ даже своего имени [2]). За нимъ слѣдуютъ другіе герои румынскаго эпоса. Укажемъ, хотя бы, на стараго Новака, живущаго въ горахъ Катрина и вѣковыхъ лѣсахъ Пина; на сына его отважнаго Грую, попавшаго къ туркамъ въ неволю и освобожденнаго отцомъ, который узналъ о плѣнѣ сына отъ молодого ворона; на Іована Іоргована съ его волшебнымъ конемъ, роднымъ братомъ Марка Шарца и борьбой со страшнымъ балауромъ-дракономъ; на Марка Витязя, неспокойнаго богатыря, всю жизнь воевавшаго съ венгромъ Филиппомъ и туркомъ Болуномъ, на Марка, убившаго невѣрную жену и посадившаго на колъ родную мать „любовницу турка"; на зодчаго Манолю, построившаго великолѣпный храмъ въ прежней столицѣ Валахіи—Арджешѣ и замуровавшаго свою жену красавицу Каплю. Не можетъ быть сомнѣнія, что эта пѣсня представляетъ отголосокъ извѣстной легенды о постройкѣ Скадра. Даже имя жены мастера Маноли (meşterul Manole) восходитъ къ славянскому слову и объясняется заключительными строфами: источникъ прозрачной воды, проби-

---

[1]) I. Bârbulescu, Vechile relatu ale princepatelor române cu Croatia, Bucureşci, 1903, p. 30,

[2]) А. Яцимирскій, Неизвѣстныя пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ. Извѣстія Отд. русскаго языка и слов. Академіи Наукъ, 1904 года, кн. IV.

вающійся сквозь каменныя стѣны храма, это—капли слезъ прекрасной Капли (Caplea), замурованной въ стѣнѣ. Замѣтимъ еще, что архитектура Арджешскаго храма очень похожа на Дечанскій монастырь, построенный въ XIV вѣкѣ Стефаномъ III Урошемъ. Все это такъ близко къ сербскому эпосу, что мы не сдѣлаемъ ошибки, если станемъ возводить большинство героическихъ румынскихъ пѣсенъ къ хорошо извѣстнымъ сербскимъ сказаніямъ, тѣмъ болѣе, что эта близость выдается еще и славянскимъ словаремъ румынскихъ пѣсенъ, который чуть не треть своей наличности составилъ изъ славянскихъ словъ. Наши наблюденія надъ сербо-румынскими взаимодѣйствіями въ области эпоса какъ будто должны служить подкрѣпленіемъ двухъ смѣлыхъ теорій Б. Хыждеу—о связи „черныхъ арапиновъ“ сербскихъ и болгарскихъ пѣсенъ съ династіей Басарабовъ и названіемъ басарабской земли, съ другой стороны—о нахожденіи града Легена, Ледена, Недина, столицы валашскаго воеводы Литяна, въ Малой Валахіи [1]). Прибавимъ еще, что „сербское“ происхожденіе своихъ правителей помнитъ и народная румынская поэзія, называя одного румынскаго воеводу „unû fecîoru de omu sêrbescù“—„сынъ сербскаго мужа“ [2]).

Съ другой стороны, сербская народная поэзія знаетъ „влашскихъ „воеводъ“ Владислава, Радула, героя Ровинскихъ полей Мирчу, воспѣваетъ борьбу болгарскаго царя съ воеводой Радуломъ, котораго жена спасаетъ изъ темницы [3]), упоминаетъ о борьбѣ между сыновьями Радула; въ одной пѣснѣ сербійскій воевода Янку зоветъ Марка на кумовство [4]) и т. д. Все это, въ связи съ политическими, экономическими и семейными связями между сербами и румынами, говоритъ о томъ, что сербо-румынская взаимность старыхъ временъ покоилась на самыхъ прочныхъ и глубокихъ основахъ.

Въ слѣдующей статьѣ мы сдѣлаемъ обзоръ сношеній на почвѣ благотворительности, культуры и письменности.

А. И. Яцимирскій.

[1]) Negru-Vodă Bucuresci 1898. Ср. нашъ рефератъ „Новая теорія о происхожденіи названія Бессарабія“, Этногр. Обозр., 1896, кн. I.

[2]) B. Hâjdèu, Istoria critică, p. 81.

[3]) Ч. Міатовичъ думаетъ, что сербская поэзія знаетъ ее, какъ дочь князя Лазаря, Летопис Матице Српске, кн. 187, стр. 33.

[4]) В. Караджичъ, II, 363; B. Hâjdeû, Istoria critica, p. 58.

Крамаржъ о Россіи.

Знатокъ Россіи и выдающійся дѣятель австрійскаго парламента, чехъ Крамаржъ, написалъ чрезвычайно интересную статью „Русскія проблемы“ о предстоящихъ задачахъ Россіи во внутренней ея жизни. Крамаржъ характеризуетъ прежде всего русскую интеллигенцію, въ которой будто умерло чувство патріотизма и народной чести. Онъ считаетъ необходимымъ участіе интеллигенціи въ государственномъ управленіи, но заявляетъ откровенно и рѣшительно, что, по его мнѣнію, Россія еще не дозрѣла до конституціи. Авторъ признаетъ неотложную необходимость реформъ въ Россіи и указываетъ на области, которыхъ онѣ должны касаться, равно и на способъ ихъ осуществленія. Въ жизни народовъ и развитіи государствъ невозможны внезапные переходы безъ органической эволюціи, и тамъ, гдѣ они являются, они дѣлаются причиной внутреннихъ смутъ и новыхъ затрудненій. Теорія славянофиловъ о громадной разницѣ между Западомъ и Россіей — говоритъ Крамаржъ — не есть чистая фикція. Кто узналъ Россію, кто знаетъ русскую природу, и кому русская исторія не чужда, тотъ не можетъ оставаться въ сомнѣніи въ этомъ отношеніи. Вездѣ внезапные, непосредственные переходы... Другъ возлѣ друга живутъ два міра совершенно различнаго культурно-соціальнаго развитія. Рядомъ съ интеллигенціей, которая ровнымъ шагомъ идетъ съ интеллигенціей Запада и которая по части безотчетливости и радикализма, пожалуй, превзошла послѣднюю, живетъ русскій мужикъ безъ образованія, безъ малѣйшаго понятія о современной наукѣ. Онъ пашетъ землю своей деревянной сохой, оставляетъ заботу о будущемъ Богу и царю и желаетъ себѣ только возможно больше земли, потому что почва не хорошо обработана, истощена и неспособна прокормить постоянно растущее населеніе. Къ тому же, съ Запада проникла въ эти стоячія воды застарѣлаго хозяйства новѣйшая промышленность, и безъ эволюціи въ продолженіе долгихъ столѣтій, какъ это было на Западѣ, Россія внезапно очути-

лась передъ соціальнымъ рабочимъ вопросомъ. Необразованный и не привыкшій къ порядку рабочій, съ легко раздражаемой душевной организаціей, какъ разъ подошелъ къ соціальному перевороту.

Бюрократія работаетъ паромъ и электричествомъ, и она въ состояніи рѣшить совершенно новыя техническія задачи, но въ сущности она стара, дряхла, безъ духа и крови, испорчена подкупами, пріобрѣтшими историческую извѣстность. Другъ возлѣ друга, безъ органической связи, безъ результата историческаго развитія, уравнивающаго противоположности, существуютъ эти два міра, новый и даже „сверхъ новый“, и старый, настолько старый, что является чѣмъ то удивительнымъ въ началѣ XIX столѣтія. Неужели западно-европейская конституція въ состояніи уравнять всѣ эти противоположности, и вмѣсто органической эволюціи должна произойти настоящая революція во всей внутренней русской жизни?

Русскому мужику, т. е. 90 процентамъ русскаго народа, который не знаетъ другой воли, кромѣ царской, для котораго автократическая царская власть сильнѣе столѣтней традиціи, для котораго она является почти религіознымъ установленіемъ, желаютъ привить понятіе, что впредь въ государствѣ будетъ существовать наряду съ волей царя равноправная и равносильная, а въ случаѣ введенія конституціи даже сильнѣйшая воля парламента, что въ этомъ парламентѣ будутъ засѣдать люди, которыхъ онъ самъ изберетъ, и на которыхъ онъ привыкъ смотрѣть съ большимъ недовѣріемъ и даже съ извѣстнымъ наивнымъ презрѣніемъ. Русскіе примѣнили этотъ опытъ къ Болгаріи. Бѣдной раѣ, жившей наканунѣ въ неволѣ, дали они современный парламентъ. Послѣдствіемъ этого явились стамбуловщина и различные эксперименты настоящаго князя со всевозможными политическими направленіями, для которыхъ всегда находилось громадное большинство при выборахъ въ парламентъ. Неужели Россія выиграла бы при этомъ что-нибудь?

Правда, русская интеллигенція совершенно иная въ сравненіи съ болгарской, которая воспитывалась во всѣхъ концахъ міра и вслѣдствіе этого представляетъ разнообразіе всевозможныхъ красокъ, начиная съ консервативнаго панславизма и кончая либеральнымъ радикализмомъ. Русская интеллигенція обнаружила свою способность въ разныхъ земствахъ, гдѣ ей предоставлена была свобода дѣйствій, и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что она исполнитъ свой долгъ, если ей дана будетъ воз-

можность приняться снова за трудъ въ реформированныхъ, свободныхъ земствахъ. Но она, не смотря на все свое интеллектуальное развитіе, которое гораздо выше, чѣмъ многіе думаютъ, въ своемъ значительномъ большинствѣ страдаетъ специфическимъ русскимъ свойствомъ: она скоро увлекается, не знаетъ никакихъ компромиссовъ, безъ которыхъ государственная политика не возможна; она въ сужденіяхъ своихъ абсолютна и не размышляетъ о концѣ и послѣдствіяхъ. Такимъ образомъ либерализмъ долженъ былъ въ Россіи превратиться въ нигилизмъ, а консерватизмъ въ безпощадную полицейскую систему. Вотъ тайна и необыкновенное очаровательное свойство настоящей, великой русской души! Въ государственной жизни это свойство является недостаткомъ. И вотъ та часть интеллигенціи въ Россіи, которая обнаруживаетъ такъ мало пониманія задачъ государственныхъ и своего будущаго, которая въ войнѣ всемірнаго значенія усматриваетъ только махинаціи и продѣлки русской бюрократіи, требуетъ парламентаризма и даже общаго права голосованія. Счастье для Россіи, что эта часть интеллигенціи не имѣетъ вліянія на судьбы государства. Конечно, у всѣхъ этихъ мечтателей о западно-европейскомъ парламентаризмѣ, по всей вѣроятности, проявилось бы чувство патріотизма, если-бы они имѣли вліяніе и почувствовали отвѣтственность за все то, что дѣлаетъ государство. Они перестали бы во всемъ усматривать дѣйствія бюрократіи и стали бы считать Россію своимъ государствомъ, а не государствомъ бюрократіи.

Поэтому реформы нужны, чтобы интеллигенція сблизилась съ государствомъ, чтобы она съ нимъ заодно чувствовала, и чтобы исчезла та рознь, какая существуетъ между ней и государственнымъ управленіемъ. Реформы могутъ и должны быть основательны, если Россія хочетъ жить новой жизнью. И если государственное управленіе не можетъ быть отдано въ руки интеллигенціи въ смыслѣ западно-европейскаго парламентаризма, то, не смотря на это, слѣдуетъ допустить интеллигенцію къ извѣстному участію въ государственной жизни и воспользоваться ея богатыми силами и желаніемъ служить государству. Эта новая дѣятельность была бы для русской интеллигенціи лучшей школой, въ которой она могла бы пріобрѣсти себѣ чувство тяжелой отвѣтственности, живущей въ каждомъ, кто имѣетъ вліяніе въ государственномъ управленіи. Съ пріобрѣтеніемъ серьезной отвѣтственности въ общественной жизни она потеряла бы значительную долю своего благороднаго, но весьма часто

наивнаго радикализма, а одновременно и часть своей неосновательности, лѣни, очень легко возбуждающагося одушевленія, а равно и скорой готовности осуждать все, что только не соотвѣтствуетъ ея прямолинейнымъ воззрѣніямъ. Она была бы принуждена болѣе дѣйствовать, чѣмъ говорить, и сдѣлалась бы тѣмъ, въ чемъ Россія безусловно нуждается: душой ея культурнаго и экономическаго развитія. Что русская интеллигенція къ этому неспособна,—этого нечего опасаться. Уже нынѣ въ ея рядахъ находятся люди широкаго горизонта, строгой самокритики и съ дѣйствительнымъ добрымъ желаніемъ служить отечеству. Россія нуждается однако въ томъ, чтобы эти изъятія сдѣлались правиломъ. Это возможно тогда, если русской интеллигенціи будетъ открыто широкое поле отвѣтственной дѣятельности.

Реформа, которая болѣе всего нужна, которая неизбѣжна, должна быть сдѣлана въ томъ направленіи, чтобы самодержавіе не смѣшивалось съ безотвѣтственной и ничѣмъ нестѣсняемой бюрократіей. Такой бюрократіи не желалъ себѣ даже Петръ Великій. Напротивъ, онъ учредилъ въ видѣ сената контрольный органъ и защиту противъ бюрократическаго своеволія. Не смотря на это, она сдѣлалась въ Россіи сильнѣе воли царя. Новѣйшія средства сообщенія способствовали всеобщей централизаціи, и впослѣдствіи русская бюрократія сдѣлалась государствомъ въ государствѣ. Надъ ней нѣтъ контроля, такъ какъ при самой лучшей волѣ, въ которой нельзя сомнѣваться, царь не въ состояніи провѣрять столь сложное правленіе.

Д-ръ Крамаржъ разбираетъ далѣе довольно обстоятельно сущность русской бюрократіи, причемъ, конечно, даетъ не весьма лестную характеристику послѣдней. Онъ касается также русской политики на Азіятскомъ Востокѣ и усматриваетъ въ несчастномъ бюрократизмѣ причины столь многихъ неудачъ. На основаніи этого чешскій ученый приходитъ къ заключенію о необходимости реформъ и преимущественно въ пользу обезпеченія свободы личности, свободы мнѣнія и собраній, въ пользу устраненія ссылки административнымъ путемъ и проч. Главнымъ же требованіемъ—продолжаетъ авторъ—должно быть не только разрѣшеніе свободной критики общественнаго управленія, но и организація ея въ противовѣсъ абсолютистическому режиму. Для просвѣщеннаго абсолютизма нѣтъ причины опасаться свободы печати, тѣмъ болѣе, что оружіе противъ злоупотребленія ея имѣется въ обыкновенныхъ судахъ. Старые обычаи, взяточничество только тогда исчезнутъ въ государственномъ управленіи, если печать полу-

читъ право серьезной критики. Именно въ послѣднее время сказалась въ Россіи благотворная мощь печати, и многое измѣнилось въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которое прорвалось въ русской печати посредствомъ оправданной критики въ небываломъ доселѣ видѣ. По справедливости слѣдуетъ признать, что критика большинства русскихъ газетъ была серьезной и патріотической. Вообще интеллектуальный уровень русской журналистики въ ея большинствѣ столь высокъ, что она не заслуживаетъ того, чтобы ее притѣснять, какъ было до сихъ поръ. Объ одичаніи печати, къ сожалѣнію, столь часто замѣчаемой на Западѣ, въ Россіи не можетъ быть и рѣчи, и можно ожидать, что русская печать и впредь будетъ выполнять это право контроля общественнаго управленія въ полномъ сознаніи своей громадной нравственной отвѣтственности передъ русскимъ обществомъ, и что государственное управленіе вскорѣ очистится отъ вопіющихъ недостатковъ при проникающемъ свѣтѣ общественной критики.

Но и за земствами слѣдовало бы безъ всякаго опасенія признать право критики правительственныхъ мѣръ, а также право высказывать свое мнѣніе о задачахъ и обязанностяхъ государства, какъ относительно управленія, такъ и относительно законодательства. Земствамъ можно бы тѣмъ скорѣе дать болѣе свободы, что представитель государственнаго управленія, губернаторъ, всегда имѣлъ бы возможность и обязанность принять подъ защиту администрацію. Конечно, онъ не долженъ бы, какъ теперь, пользоваться правомъ отвѣчать на неудобную критику административнымъ преслѣдованіемъ. Такъ какъ трудно требовать для членовъ земствъ неприкосновенности въ западно-европейскомъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ должно быть установлено правило, что членъ можетъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности за свои слова передъ обыкновеннымъ судомъ въ случаѣ, если не достаточна дисциплинарная власть предсѣдателя или всего земства.

Самымъ важнымъ вопросомъ слѣдуетъ считать участіе представителей общественнаго мнѣнія въ законодательныхъ работахъ и въ контролѣ всего государственнаго управленія и преимущественно государственныхъ финансовъ. Уже теперь обнаружилось въ Россіи сильное движеніе въ пользу того, чтобы реформы, предначертанныя императорскимъ манифестомъ отъ 12 декабря, не были предоставлены для выработки исключительно представителямъ бюрократіи, но чтобы въ этомъ трудѣ приняли уча-

стіе и представители земствъ. Въ послѣднее время требуютъ созванія земскаго собора, какъ это было въ древней Руси до реформъ Петра Великаго. Земскій соборъ не былъ постояннымъ учрежденіемъ и созывался только въ исключительныхъ случаяхъ, но теперь идетъ вопросъ о созданіи постояннаго живого контакта между государственнымъ управленіемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Я считаю, говоритъ Крамаржъ, нынѣшнюю Россію недозрѣвшею до парламентаризма въ нашемъ смыслѣ. Въ русскомъ парламентѣ была бы представлена только незначительная часть русскаго народа, и о выраженіи народной воли не могло бы быть и рѣчи, такъ какъ нѣтъ никакого основанія для народнаго самодержавія и народу не приходитъ даже и въ голову требовать его, народъ не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія, ибо государство и царь для него одно понятіе. Поэтому мнѣ кажется, что Россія должна искать другой формы для участія интеллигенціи въ государственномъ управленіи, именно такой, которая бы примирила справедливое требованіе культурно и соціально выше поставленныхъ слоевъ общества не оставаться въ унизительной опекѣ, при условіи сохраненія самодержавія, являющагося священной институціей для широкихъ массъ русскаго народа.

Нынѣ дѣло идетъ объ освобожденіи отъ абсолютистическаго, неограниченнаго господства бюрократіи, объ устраненіи теперешнихъ пагубныхъ отношеній, которыхъ нельзя болѣе терпѣть. Большинство тѣхъ, которые требуютъ реформъ, не требуютъ устраненія самодержавія; они желаютъ только принять участіе въ государственной жизни, чтобы использовать богатыя силы русской интеллигенціи на благо престола и народа, къ улучшенію культурной и экономической жизни государства. Допущеніе представителей всѣхъ сословій съ правомъ совѣщательнаго голоса въ составъ центральной корпораціи, которая совѣщалась бы не только о законодательныхъ вопросахъ, но которой было бы предоставлено право контроля государственнаго управленія, а особенно государственныхъ финансовъ, вполнѣ удовлетворило бы справедливыя требованія русской интеллигенціи и одновременно интересы самодержавія.

Въ дальнѣйшихъ своихъ выводахъ д-ръ Крамаржъ считаетъ необходимой неприкосновенность членовъ центральной корпораціи, которую можно бы назвать „земскимъ соборомъ“ или „государственнымъ совѣтомъ“. Такимъ нравственнымъ вліяніемъ на дѣла государственнаго управленія должна бы, по мнѣнію автора, довольствоваться русская интеллигенція. Интересны также

выводы автора въ пользу децентрализаціи правительственной системы, точнаго опредѣленія министерскихъ полномочій, взаимныхъ отношеній министерскихъ вѣдомствъ и расширенія власти губернаторовъ. Защита гражданскихъ правъ должна сосредоточиваться въ рукахъ административныхъ судовъ. По разсмотреніи значенія земствъ и пересмотра крестьянской автономіи, авторъ приходитъ къ заключенію, что бюрократія не въ состояніи рѣшить культурныхъ и экономическихъ задачъ Россіи. Въ виду этого слѣдуетъ призвать интеллигенцію къ содѣйствію. Для парламентаризма нѣтъ пока почвы въ Россіи, и потому содѣйствіе интеллигенціи авторъ предлагаетъ въ указанномъ имъ видѣ.

„Царское самодержавіе—говоритъ Крамаржъ — перестанетъ бояться того, что лучше всего въ Россіи, именно ея интеллигенціи которая жаждетъ правды, гражданской свободы и возможности трудиться на пользу своего народа. Призывая интеллигенцію къ участію въ государственной жизни, самодержавіе перестанетъ подвергаться враждебнымъ нападеніямъ въ Россіи и внѣ ея и вступитъ безъ опасенія и съ довѣріемъ въ будущемъ на путь культурныхъ и экономическихъ реформъ, которыя откроютъ Россіи новую эру. А онѣ неотложно нужны, если Россія не хочетъ потерять своего значенія въ міровой политикѣ“ [1])...

---

[1]) Редакція приводитъ въ извлеченіи статью чеха Крамаржа съ цѣлью ознакомленія съ содержаніемъ ея своихъ читателей и отнюдь не считаетъ себя обязанной всецѣло соглашаться съ мнѣніемъ автора.

Прим. Ред.

† Миливой Шрепель.

11 (24) февраля, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался одинъ изъ выдающихся хорватскихъ ученыхъ и литераторовъ, профессоръ Загребскаго университета, д-ръ Миливой Шрепель.

Онъ родился 8 ноября 1862 г. въ Карловцѣ. Начальную школу и прогимназію посѣщалъ онъ въ родномъ городѣ, а высшіе классы гимназіи—въ Загребѣ, гдѣ въ 1882 г. и сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Записавшись на философскій факультетъ университета, онъ прилежно изучалъ философію, классическую филологію и славистику. По окончаніи университета онъ сдалъ экзаменъ на учителя гимназіи и скоро получилъ дипломъ доктора славистики. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Загребской гимназіи, онъ получилъ командировку въ Лейпцигъ, Берлинъ и Мюнхенъ для приготовленія къ профессурѣ. По возвращеніи на родину, Ш. скоро былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ латинской филологіи въ университетѣ. Въ 1882 г. онъ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ, а въ 1896 г. былъ деканомъ философскаго факультета. Въ 1890 г. Югославянская Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а въ 1893 дѣйствительнымъ. Покойный состоялъ членомъ корреспондентомъ и нашей Академіи Наукъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Миливой Шрепель еще студентомъ выступилъ на литературное поле, онъ не переставалъ его энергично воздѣлывать до самой смерти. Его литературная дѣятельность весьма велика и можетъ быть раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ: дѣятельность въ популярныхъ журналахъ, въ „Матицѣ Хорватской“, въ Академіи и въ университетѣ. Дѣятельность въ „Вѣнцѣ“ [1]), котораго онъ былъ однимъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ, была очень обширна. Онъ переводилъ для него классическія произведенія русскихъ и французскихъ писателей, писалъ критики и этюды, переводилъ разсказы Доде, писалъ біографическіе очерки, литературныя письма и т. д. (до 70 мелкихъ и крупныхъ работъ). Онъ стремился такими работами вносить въ хорватскую литературу новѣйшія литературныя теченія. Что Шрепель обла-

[1]) Хорватскій журналъ вродѣ нашей „Нивы“.

далъ поэтическимъ дарованіемъ, доказываютъ его удачные переводы изъ литературъ латинской и славянской.

Въ 1887 г. онъ былъ избранъ въ совѣтъ „Матицы Хорватской“, въ которомъ оставался до 1898 г. и принималъ самое живое участіе въ дѣятельности Матицы. Такъ, онъ написалъ прекрасное введеніе къ „Избраннымъ стихотвореніямъ“ Прерадовича, „Поэтическимъ произведеніямъ“ Беговича, „Избраннымъ произведеніямъ“ Нѣмчича. Кромѣ того, его перу принадлежатъ „Картины изъ міровой литературы“ (1891) и „Русскіе новеллисты“ (1894), гдѣ онъ знакомитъ хорватскихъ читателей съ развитіемъ русскаго романа и съ его главными представителями. Въ 1899 г. онъ издалъ „Возрожденіе въ Италіи въ XV и XVI ст.“ и написалъ введеніе въ изданіе избранныхъ сочиненій Пушкина. Болѣе спеціальный интересъ имѣетъ его докторская диссертація „Акцентъ и метръ героическихъ народныхъ пѣсенъ“, гдѣ авторъ пришелъ къ нѣкоторымъ новымъ важнымъ выводамъ.

И въ Академіи Шрепель не былъ празднымъ. Его первой работой была ст. „Скуп“ Мар. Держича въ отношеніи къ Плавтовой „Аулуларіи“ (1890). Затѣмъ послѣдовали: „Латинскій источникъ Кошичевой (первой хорватской) грамматики 1604 г.“ (1890), „Аналогія въ синтаксисѣ грамматическихъ падежей латинскаго и ховатскаго языка“ (1890), „Иванъ Болица Которанинъ, латинскій поэтъ“ (1894), „О Гундуличевыхъ Слезахъ блуднаго сына“ (1896) и мн. др.—Кромѣ того Шрепель былъ редакторомъ издаваемыхъ Академіей „Матерьяловъ для исторіи хорватской литературы“ (I вып., 1897, II вып. 1899).

Какъ профессоръ и педагогъ, Шрепель принадлежалъ къ тому разряду преподавателей, которые въ своихъ лекціяхъ не ограничиваются только сухой передачей фактовъ и наблюденій, но стараются влить въ нихъ жизнь и поэзію. Отдѣльныя лица и событія, о которыхъ онъ говорилъ въ литературной исторіи, выступали передъ умственнымъ взоромъ слушателей живо и пластично. Форма его лекцій была всегда элегантна, художественна, и онъ умѣлъ вкладывать въ нихъ тонкія психологическія наблюденія. Въ этомъ отношеніи его стиль много напоминалъ стиль французскихъ писателей.

Если прибавить, что Шрепель былъ горячій поклонникъ русской культуры и ея важнаго значенія для славянства, то симпатичная личность покойнаго хорватскаго слависта станетъ передъ нами во весь свой ростъ.

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Пегасъ и оселъ.

Изъ Ашкерца.

Съ распущенной гривой, съ поднятой главой
Пегасъ оттолкнулся—и вмигъ надъ землей
Нести его крылья готовы;
Блестятъ подъ ногами подковы.

Летитъ онъ надъ бѣднымъ крестьянскимъ селомъ
И видитъ ограду; репейникъ кругомъ
Разросся и тѣсно къ ней жмется;
Оселъ за оградой пасется.

Въ тяжеломъ раздумьи поникши главой,
Лишь изрѣдка въ небо глядитъ онъ съ мольбой:
Подольше такъ мирно стоять-бы
Да этихъ Пегасовъ не знать-бы!

Какъ только Пегасъ въ вышинѣ промелькнетъ,
Оселъ непремѣнно ногами брыкнетъ,
Ушами поводитъ съ досадой
И громко реветъ за оградой.

Когда надъ селеньемъ Пегасъ пролеталъ,
Комичную сцену опять онъ засталъ;
Держась въ вышинѣ надъ селеньемъ,
Ослу говоритъ онъ съ презрѣньемъ:

„Чтобъ сдѣлать поближе къ тебѣ мой полетъ,
Пришлось бы мнѣ ниже спуститься съ высотъ...
Твоя голова бы трещала,
Мое бъ самолюбье страдало!

„Тебѣ жъ самому никогда не летать!
Служеніе музамъ тебѣ не подъ стать,
Никто тебѣ тутъ не поможетъ:
Оселъ быть осломъ только можетъ!

„Парить въ поднебесьи тебѣ не дано:
Ты знаешь, безъ крыльевъ летать мудрено,
А крыльевъ Зевесъ тебѣ не далъ,—
Пегасу онъ ихъ заповѣдалъ.

„Кто знаетъ, куда залетаетъ Пегасъ?
Отважный, весь міръ облеталъ онъ не разъ;
А ты переносишь ли взгляды
За тѣсныя стѣны ограды?

„Когда пролетаетъ Пегасъ надъ землей,
Онъ видитъ кипучую жизнь подъ собой;
Онъ видитъ, какъ мучатся люди,
Какъ радостью дышатъ ихъ груди.—

„Твоихъ же идей не великъ кругозоръ;
Тебя, зануздавши, выводятъ за дворъ.
О томъ, что́ паритъ надъ тобою,
Судить не съ твоей головою!

„Тебѣ ль на высотахъ поэзіи жить!
Удѣлъ твой—на мельницу рожь отвозить,
Съ мукою назадъ возвращаться,
Да тѣмъ, что́ удѣлятъ, питаться...

„Пожалуй, брыкайся, реви, критикуй!..
Но могутъ и дѣти—о чемъ ни толкуй—
Узнать по мычанью—корову,
Осла—по ослиному реву!..“

Сказалъ—и понесся опять надъ землей.
Куда бъ ни задумалъ, повсюду стрѣлой
Нести его крылья готовы;
Блестятъ подъ ногами подковы.

Н. Новичъ.

Библіографія.

Świat słowiański. Miesęcznik pod redakcyą D-ra Feliksa Konecznego Rocznik I. Tom. I. Kraków 1905. № 1,88 str. 40.

Возрастающее не по днямъ, а по часамъ въ западномъ славянствѣ славянское національное самосознаніе принесло, наконецъ, плодъ, нетерпѣливо ожидавшійся всѣми, кто сознаетъ громадную важность славянской идеи для культурнаго и политическаго будущаго польскаго племени. Вѣдь только на почвѣ откровеннаго признанія всѣхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ сознанія племеннаго братства двухъ величайшихъ славянскихъ народовъ, возможно рѣшеніе самаго проклятаго изъ всѣхъ проклятыхъ славянскихъ вопросовъ—русско-польскаго; только одушевленные славянскимъ самознаніемъ поляки могутъ привести къ благопріятному для славянства исходу великую драму, совершающуюся въ настоящее время въ центрѣ Европы; наконецъ, только при дѣятельной нравственной и матеріальной поддержкѣ своихъ ближайшихъ географическихъ и этнографическихъ сосѣдей поляки могутъ съ честью выйти изъ тяжелой борьбы, которая досталась имъ на долю, на берегахъ Варты. Все это

Разъ двѣсти, прозой и стихами,
На всѣ лады повторено,

однако, до сихъ поръ только самыя ничтожныя по числу группы поляковъ болѣе или менѣе систематически занимались распространеніемъ въ польскомъ обществѣ знаній о славянствѣ, не встрѣчая, впрочемъ, особеннаго ни нравственнаго, ни матеріальнаго сочувствія къ своей дѣятельности. Вотъ почему, не боясь впасть въ преувеличеніе, можно сказать, что популярность въ польскомъ обществѣ славянофильства (въ лучшемъ значеніи этого слова) была до сихъ поръ обратно-пропорціональной его экономическому, культурному и политическому значенію для польскаго дѣла.

Съ тѣмъ большею радостью приходится привѣтствовать появленіе перваго номера журнала, посвященнаго исключительно популяризаціи славянской идеи. Этотъ журналъ долженъ интересовать насъ не какъ простая книжная новинка, а какъ крупное литературное событіе, возбуждающее a priori самыя радужныя надежды. На сколько онѣ оправдаются a posteriori, можно будетъ сказать только впослѣдствіи, когда передъ нами будутъ

всѣ 12 книжекъ журнала, которыя составятъ вмѣстѣ большой томъ. Что касается до 1 №, то содержаніе его не можетъ назваться особенно блестящимъ. Онъ открывается отчетомъ о трехлѣтней дѣятельности Краковскаго Славянскаго Клуба, т. е. статьей, которую болѣе желательно было бы видѣть напечатанной петитомъ въ концѣ журнала, чѣмъ въ его главѣ. Далѣе слѣдуетъ характеристика недавно скончавшагося знаменитаго нашего ученаго А. Н. Пыпина. Авторъ ея, г. А. Гржимала-Сѣдлецкій, изображаетъ его какъ гражданина - ученаго, какъ человѣка, въ убѣжденіяхъ котораго научная истина и общественная правда никогда между собой не враждовали, какъ представителя настоящаго, честнаго славянофильства. Не обошлось, впрочемъ, въ этомъ похвальномъ словѣ и безъ маленькой ложки дегтю: авторъ высказываетъ порицаніе покойному ученому за то, что онъ не вѣрилъ въ спасительность шляхетскихъ и католическихъ элементовъ польской культуры. Послѣ довольно поверхностныхъ „Бѣлградскихъ впечатлѣній“, испытанныхъ г. Бенешичемъ на коронаціи сербскаго короля и нѣсколько поспѣшно имъ обобщенныхъ, и послѣ короткой замѣтки г. А. Соколовскаго „о полякахъ въ войнѣ за сербскую независимость“,—эти 10 поляковъ вышли изъ тѣхъ легіоновъ, которые, послѣ того какъ исчезла послѣдняя надежда на войну съ Россіей соединенныхъ Франціи, Пруссіи, Швеціи и Турціи, принуждены были эмигрировать въ Италію и Далмацію,—слѣдуетъ рядъ безспорно интересныхъ корреспонденцій: изъ Познани, гдѣ авторъ излагаетъ политическія послѣдствія знаменитой Мальборской рѣчи императора Вильгельма II, изъ Петербурга, гдѣ описывается современное настроеніе русскаго общества и проводится симпатичная идея о сближеніи польскаго общества съ прогрессивными элементами русскаго, наконецъ, изъ Парижа, гдѣ описывается засѣданіе кельто-славянской лиги. Книжка заканчивается обзоромъ славянской прессы. Въ изложеніи русскихъ дѣлъ замѣчается нѣсколько страстный тонъ; къ сожалѣнію, авторъ не всегда удачно разбирается въ нашихъ партіяхъ, систематически смѣшивая, напр., славянофиловъ съ г. Грингмутомъ, членами Русскаго Собранія и пр.

Изъ этого краткаго обзора содержанія книжки видно, что журналъ заставляетъ желать много лучшаго. Будемъ надѣяться, что слѣдующія ласточки славянской весны въ польской литературѣ будутъ летать выше и не такъ далеко отъ солнца справедливости...

Г. Ильинскій.

Liber statutorum civitatis Ragusii compositus anno 1272 in lucem protulerunt U. Bogišić et C. Jireček. Zagrabiae MCMIV (Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium Vol. IX 1904) L. XIX + 463 pp. 4°.

Давно съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся въ ученомъ мірѣ изданіе Дубровницкаго статута 1272 г., наконецъ, увидѣло свѣтъ трудами извѣстныхъ знатоковъ южнославянскаго права и исторіи В. Богишича и К. Иречка Не смотря на то, что этотъ статутъ написанъ на латинскомъ языкѣ, его значеніе громадно потому, что онъ является не только древнѣйшимъ кодифицированнымъ законникамъ далматинскихъ городскихъ общинъ вообще, но и неистощимымъ источникомъ для изученія внутренняго быта удивительной полуславянской, полуроманской республики. Подлинникъ статута, безъ

позднѣйшихъ добавленій, не сохранился ни въ одной изъ рукописей. Относительно-чистую редакцію, съ добавками 1272—1358 г., имѣемъ въ единственной пергаменной рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Дубровницкаго суда Въ той же библіотекѣ находится единственная рукопись, содержащая болѣе позднюю редакцію съ добавками 1358—1408 г. Обѣ эти рукописи пергаменныя и по своему содержанію являются трудомъ оффиціальныхъ законодателей. Напротивъ, для частнаго употребленія предназначены были двѣ другія, еще болѣе поздніе редакціи, изъ которыхъ одна сохранилась, напр., въ рукописи XVI в. (въ библіотекѣ В. Богишича), а другая—во многихъ рукописяхъ XVIII в. (издатели пользовались, гл. обр., рукописями Загребской Академіи Наукъ). Послѣдняя замѣчательна многочисленными примѣчаніями, суммаріями, индексами, составленными знаменитымъ дубровницкимъ юристомъ Франценъ Гундуличемъ (+ 1589 г.). Изданіе выполнено такимъ образомъ, что древнѣйшій текстъ ясно выступаетъ изъ позднѣйшихъ добавленій, и каждая редакція можетъ быть распознана отъ другой. Этой цѣли издатели достигли, отдѣливъ древній текстъ отъ позднѣйшихъ добавокъ, то, что принадлежитъ оффиціальному законодателю, отъ того, что принадлежитъ частнымъ юристамъ, и распредѣливъ содержаніе въ хронологическомъ порядкѣ.

Дубровницкій статутъ не есть сборникъ законовъ болѣе или менѣе спеціальнаго значенія, напримѣръ уголовныхъ, морскихъ и т. д., но есть сводъ всѣхъ законовъ, изданныхъ въ республикѣ до 1272 г., когда они были одобрены большими и малыми вѣчами и опубликованы въ всеобщее свѣдѣніе княземъ (comes) ея Марком Юстиніаномъ. Законы раздѣлены на восемь книгъ. Въ первой книгѣ собраны постановленія, касающіяся административныхъ, законодательныхъ и духовныхъ властей Дубровника; вторая книга содержитъ присяги какъ должностныхъ лицъ, такъ и частныхъ; въ третьей излагается порядокъ судебныхъ процессовъ; четвертая книга посвящена преимущественно семейному праву; пятая трактуетъ, главнымъ образомъ, о недвижимыхъ имуществахъ; шестая содержитъ уголовное право; въ седьмую включено морское право; восьмая содержитъ, главнымъ образомъ постановленія, дополнительныя къ предыдущимъ. Не смотря на то, что статутъ Дубровника составленъ въ то время, когда онъ еще находился подъ властью Венеціи, онъ обнаруживаетъ лишь самые ничтожные слѣды вліянія венеціанскаго права: статуты Венеціи 1243 г. и 1272 г. рѣзко отличаются отъ Дубровницкаго не только содержаніемъ, но и расположеніемъ матеріала. Прежде видѣли вліяніе Венеціанскаго права въ морскомъ правѣ Дубровника, но теперь можно считать доказаннымъ, что оно заимствовано у византійцевъ. Болѣе основаній мы имѣемъ говорить о вліяніи каноническаго права, однако и оно было очень незначительно, если ни одно его постановленіе не вошло въ статутъ буквально. Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что въ нашемъ статутѣ не отразилось почти совсѣмъ римское право, которое пышно культивировалось у всѣхъ ближайшихъ сосѣдей Дубровницкой республики. Эта относительная свобода Дубровницкаго права сообщаетъ его развитію вполнѣ самостоятельное органическое значеніе и, слѣдовательно, еще болѣе увеличиваетъ интересъ и значеніе драгоцѣннаго памятника.

Г. Ильинскій.

Статьи по славяновѣдѣнію. Вып. I, подъ редакціею В. И. Ламанскаго. изд. 2-го отд. Импер. Акад. Наукъ. Спб. 1904, II+336, 4⁰.

По поводу предполагавшагося въ прошломъ году, но отложеннаго по случаю военныхъ событій съѣзда славистовъ, наша Академія Наукъ, по иниціативѣ ея члена проф. В. И. Ламанскаго, постановила издать „Сборникъ по славяновѣдѣнію“ съ приглашеніемъ къ участію въ немъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ славянскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ. Эту идею, одинаково счастливую съ точки зрѣнія интересовъ какъ высшей науки, такъ и высшей культуры, можно, конечно, только привѣтствовать: до сихъ поръ дѣятели славистики объединялись преимущественно подъ нѣмецкимъ (въ отношеніи языка) флагомъ „Архива славянской филологіи“ Ягича, издаваемаго однимъ нѣмецкимъ книготорговцемъ въ Берлинѣ. Нисколько не отрицая громадныхъ заслугъ этого журнала, стяжавшаго себѣ почетную извѣстность во всемъ европейскомъ ученомъ мірѣ, многія лица изъ славистическихъ и славянофильскихъ круговъ неоднократно выражали пожеланія, чтобы подобный объединяющій научную дѣятельность славистовъ органъ явился и въ Россіи, которая съ нѣкотораго времени приковываетъ къ себѣ взгляды всего славянства не только какъ мощная политическая сила, но и какъ не менѣе мощная сила моральная и культурная. „Статьи по славяновѣдѣнію“ и представляютъ, повидимому, первую попытку созданія такого органа. Для достиженія своей благородной цѣли, редакція рѣшилась пожертвовать даже единствомъ литературнаго языка, гостепріимно открывъ страницы журнала не только статьямъ на всѣхъ главныхъ европейскихъ и славянскихъ языкахъ, но даже статьямъ на малорусскомъ. И по нашему мнѣнію, престижъ русскаго языка и литературы нисколько отъ этого не умаляется. „Лишь духу власть духа дана“, и не русской литературѣ, успѣшно состязающейся съ такими старыми міровыми литературами, какъ нѣмецкая, французская или англійская, бояться роста такого еще младенца, какъ малорусская... А если бы, дѣйствительно, стала грозить первой отъ послѣдней какая-нибудь серьезная опасность, то ее можно было бы устранить не какими-нибудь внѣшними репрессивными мѣрами, а только усиленіемъ внутренняго значенія родной литературы. А во всемъ остальномъ едва-ли не самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ „побѣдить“ малорусскую литературу было бы слѣдованіе принципу „laissez faire, laissez passer“...

Просматривая первый выпускъ «Статей», можно убѣдиться, что замыселъ „Отдѣленія“ осуществился пока только отчасти: изъ западно-европейскихъ ученыхъ на приглашеніе не откликнулся никто; зато славянскіе представлены довольно богато, и ансамбль ихъ былъ бы идеальнымъ, если бы въ сборникѣ не отсутствовали (конечно, случайно) словенцы и болгары. Мы укажемъ только на тѣ изъ статей, которыхъ содержаніе можетъ быть интереснымъ для читателей „Извѣстій“.

К. Ѳ. Радченко, профессоръ Нѣжинскаго института кн. Безбородко, дѣлаетъ интересныя „Замѣчанія относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова по списку, изданному Дёллингеромъ“. Авторъ возражаетъ здѣсь противъ мнѣнія Драгоманова, что извѣстныя космогоническія легенды дуалистическаго характера возникли независимо отъ богомильскихъ вліяній въ средѣ турецко-финскихъ племенъ и перешли къ болгарамъ черезъ ихъ тюркскихъ завоевателей. Сравнивая нѣкоторыя мѣста книги Іоанна Богослова съ компиляціей попа Іереміи „Слово о древѣ крестномъ“, г. Радченко

обнаруживаетъ цѣлый рядъ сходствъ между обоими произведеніями. Въ частности интересенъ тотъ выводъ автора, что „Слово Іереміи“ есть не богомильское произведеніе въ строгомъ значеніи этого слова, а сочиненіе, направленное противъ нихъ, но переработанное въ ихъ цѣляхъ. Г. Ив. Томичъ въ статьѣ „Мотивы въ преданіи о смерти короля Вукашина“ проводитъ ту мысль, что въ народныхъ пѣсняхъ съ историческими сюжетами основною частью является не историческій фактъ, а мотивъ; онъ служитъ той канвой, на которой нашивается извѣстный свершившійся фактъ, если онъ с л у ч а й н о подходитъ подъ этотъ мотивъ. Прекрасную иллюстрацію этого положенія авторъ видитъ въ сербскомъ народномъ преданьѣ о смерти Вукашина, о которомъ извѣстно только, что онъ погибъ въ битвѣ на р. Марицѣ 1371 г., но котораго народное преданіе заставляетъ убить турка, позарившагося на его драгоцѣнную саблю, когда былъ отнесенъ теченіемъ рѣки отъ мѣста битвы. Въ основѣ этого преданья лежитъ весьма популярный мотивъ о слугѣ, убивающемъ своего господина у источника. — Проф. Харьковскаго университета, М. Г. Халанскій изслѣдуетъ „Южнославянскія пѣсни о смерти Марка Кралевича“. Въ этой статьѣ особенно интересны и цѣнны сопоставленія нѣкоторыхъ мотивовъ сербскихъ сказаній съ малорусской легендой о Маркѣ Проклятомъ, а также указаніе ряда поразительныхъ сходствъ между описаніями смерти Марка и Роланда. Послѣднія заставляютъ проф. Халанскаго поставитъ вопросъ о романскихъ вліяніяхъ на сербскій народный эпосъ, результатомъ которыхъ онъ считаетъ и сербскій десятисложный эпическій стихъ.—Г. Эрдельяновичъ пересказываетъ содержаніе извѣстнаго изданія Сербской Академіи Наукъ „Поселенія сербскихъ земель“. Руководящія идеи этого изданія уже извѣстны нашимъ читателямъ (См. „Извѣстія“, 1903—1904, № 1).—Вопросъ о происхожденіи крѣпостного права въ Чехіи затрагиваетъ проф. Ясинскій въ этюдѣ: „Присяга крестьянъ по чешскому средневѣковому праву“. Авторъ объясняетъ его изъ нормъ феодальнаго права; возникло оно вскорѣ послѣ проникновенія въ Чехію иностранной колонизаціи, и самый терминъ его «člověčenstvi» есть только переводъ извѣстнаго феодальнаго «homagium».— Проф. Феликсъ Копера перечисляетъ главнѣйшія работы по исторіи польскаго искусства въ Польшѣ; г. Цишевскій излагаетъ интернаціональныя вѣрованія о душѣ матери, возвращающейся съ того свѣта на землю, чтобы покормить своего ребенка, г. Гиршбергъ, отвѣчая на вопросъ «Dla czego Polacy popierali drugiego Dymitra Samozwańca?», доказываетъ, что польскіе полки въ арміи Самозванца состояли или изъ разныхъ наемниковъ, желавшихъ поживиться въ предстоящей войнѣ, или изъ разныхъ сектантовъ, надѣявшихся съ помощью Самозванца начать войну съ Сигизмундомъ и даже мечтавшихъ посадить Димитрія на польскій тронъ. Изъ отдѣльныхъ лицъ особенныя услуги оказалъ послѣднему Янъ Сапѣга, желавшій черезъ посредство Самозванца возвеличить какъ собственную семью, такъ и вообще Рѣчь Посполитую.—Проф. Э. Калужняцкій приводитъ нѣсколько извлеченій изъ „Новѣйшихъ путешествій по Германіи І. Г. Кейсслера“,—книги, вышедшей еще въ 1740 г. и содержащей рядъ совершенно новыхъ свѣдѣній о бытѣ и правахъ люнебургскихъ славянъ, въ то время еще не совсѣмъ вымершихъ.— Талантливой рукой описываетъ извѣстный серболужицкій патріотъ и поэтъ Куковскій (онъ же Цишинскій) современное состояніе родной литературы.

Статья эта, напечатанная по нѣмецки, заслуживала бы перевода на русскій языкъ. Въ концѣ сборника помѣщены на малорусскомъ языкѣ три статьи столпа современнаго украйнофильства, М. Грушевскаго, касающіяся разныхъ спорныхъ вопросовъ начальной русской исторіи.

Г. Ильинскій.

Сборникъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, исторіи, права, статистики и этнографіи Литвы. Составилъ С. Бальтрамайтисъ, членъ-сотрудникъ Имп. Р. Г. Общества. Изд. 2. Спб. 1904. 4^0, XII + 616 + IV + 218. (Зап. Имп. Р. Г. О. по отд. Этн., т. XXV г.).

Эта книга имѣетъ самый живой интересъ и для слависта: литовскій народъ такъ органически-тѣсно связанъ съ славянскимъ племенемъ, въ частности съ русскимъ и польскимъ народами, что нѣтъ возможности изучать древнѣйшую исторію, бытъ, народную поэзію, миѳологію, языки какой-нибудь изъ двухъ великихъ группъ этой отрасли аріо-европейскаго племени, безъ постоянныхъ сравненій и сличеній данныхъ одной группы показаніями другой. Неудивительно поэтому, что громадный „Сборникъ“ г. Бальтрамайтиса является для занимающихся славистикой одной изъ важнѣйшихъ настольныхъ книгъ. О богатствѣ ея содержанія можно судить потому, что въ ней зарегистрировано свыше 8500 замѣтокъ, статей и книгъ, касающихся самихъ разнообразныхъ явленій страны и жизни литовскаго народа. Тутъ читатель найдетъ перечни работъ и по географіи страны (I отд.), и по картографіи (II), и по археологіи (III), и исторіи политической (IV), и по исторіи права (V), и по этнографіи (VI), и по языкознанію (VII), и по сельскому хозяйству Литвы (VIII), и по исторіи культуры (IX), и по изящной литературѣ (X). При многихъ книгахъ указываются рецензіи. Въ концѣ „Сборника“ помѣщены обстоятельные алфавитные и предметные указатели. Удваиваетъ значеніе труда г. Бальтрамайтиса капитальное приложеніе— „Списокъ Литовскихъ и древне-прусскихъ книгъ, изданныхъ съ 1853 г. по 1903 г.“, заключающій въ себѣ свыше 2600 №№ произведеній Литовской литературы.—Нѣсколько портится прекрасное впечатлѣніе отъ книги довольно многочисленными опечатками.

Г. Ильинскій.

Papée Fryderyk. Polska i Litwa na przełomie wiekow srednich. Krakow 1903. T. I.

Авторъ статьи завѣдуетъ весьма богатою Библіотекой Львовскаго Университета. Кромѣ того во Львовѣ существуетъ Библіотека Оссолинскихъ и Библіотека Бернардиновъ, не считая нѣсколькихъ мелкихъ библіотекъ, содержащихъ печатныя книги и рукописи. Поэтому Папэ обладалъ богатымъ запасомъ матеріала для задуманнаго сочиненія. I-ый томъ заключаетъ исторію Литвы въ кратцѣ, затѣмъ авторъ переходитъ къ царствованію Казиміра Ягелловича (1440—1492). Сказавъ о введеніи христіанства въ Литву, о соединеніи Литвы съ Польшею, авторъ вдругъ переходитъ къ царствованію Казиміра, избраннаго на литовскій престолъ въ 1440 г. и приглашеннаго въ 1447 г. на польскій престолъ. Эти 12 лѣтъ царствованія Ка-

зиміра составляютъ 24-ю часть исторіи Польши, Литвы, Руси и Москвы. Дѣянія Казиміра и его отношеніе къ московскому царю, нѣмецкому императору, турецкому султану, татарскому хану и венгерскому царю авторъ описываетъ вѣрно. Довольно ярко изображено могущество Ивана Васильевича, который быстро расширяетъ свои владѣнія, овладѣваетъ Новгородомъ, разоряетъ Сарай, покоряетъ Тверь и въ состояніи выставить 100.000 войска противъ Литвы, тогда какъ Литва едва въ состояніи противоставить 40.000 воиновъ. Довольно подробно описана неурядица внутри государства и безсиліе въ оборонѣ пограничныхъ мелкихъ русскихъ князей, которыхъ Казиміръ не можетъ защитить въ моментъ нашествія Московскихъ войскъ. Равнымъ образомъ Казиміръ не подалъ помощи ни Новгороду и Стефану князю Волоскому. Довольно вѣрно схвачена картина борьбы Казиміра съ папою Иннокентіемъ VIII.

Могущественное польско-литовско-русское царство, первокласная держава, не можетъ защитить пограничныхъ волостей отъ нашествія Москвы, не можетъ послать войска на выручку Кіева, который въ 1482 г. разорилъ ханъ Менглигирей, не могъ послать подкрѣпленія союзнику Михаилу Борисовичу Тверскому (въ 1485 г.), не защитила волоскихъ городовъ Килін и Бѣлгорода, взятыхъ турками, не поддержала Новгорода. Все это авторъ описываетъ подробно, но причины безсилія Казиміра объяснить не умѣетъ.

Историкъ долженъ быть безпристрастенъ, Папэ же увлекается патріотизмомъ и католицизмомъ,—а это мракъ, падающій на описываемыя событія. Поэтому если дополнить его описаніе выясненіемъ причинъ, тогда его сочиненіе откроетъ много событій, не бывшихъ извѣстными. Причина, почему такое могущественное государство оказалось такъ безсильно, заключается въ слѣдующемъ. Поляки, очутившись на краю погибели, вдругъ посылаютъ къ Ягеллѣ съ предложеніемъ руки царевны и короны съ условіемъ принять крещеніе и присоединить Литву съ Русью къ Польшѣ (въ 1386 г.). Но когда поляки захотѣли обратить въ рабство Литву и Русь (въ 1398 г.), то литовцы заключили союзъ со своими врагами Крестоносцами. Тогда поляки перемѣняютъ политику, и въ 1410 г. при Грюнвальдѣ польшо-литовско-русское войско общими силами сокрушаетъ могущество ордена. Но послѣ смерти Витовта (въ 1430 г.) поляки измѣннически захватываютъ у своей союзницы Подолье и Волынь, и начинается междуусобіе. Вслѣдъ затѣмъ въ 1432 г. сильное союзное государство распадается на трое. Царь польскій Владиславъ, великій князь литовскій Сигизмундъ и князь русскій Швитригайло ведутъ между усобную войну. Затѣмъ Казиміра Ягелловича въ 1440 г. литовцы избираютъ великимъ княземъ, въ 1447 г. Поляки приглашаютъ его на польскій престолъ, а въ 1452 г. Казиміръ подчиняетъ своей власта Пруссію; въ 1471 г. онъ посадилъ на Чешскій престолъ сына своего Владислава. Въ 1470 или 1471 году Казиміръ заключилъ договоръ съ Новгородомъ, а Волоскій воевода Стефанъ призналъ себя вассаломъ Казиміра. Но поляки измѣннически обращаютъ Русь въ генералъ-губернаторство, стремятся ополячить Пруссію; отсюда проистекаетъ внутренняя неурядица. Польша фанатическая, Литва вѣротерпимая, Русь православная. Поляки всюду стремятся вводить католицизмъ: изъ Чехіи въ Польшу и Литву проникаетъ гусситское ученіе. Существуетъ парламентъ, но въ немъ засѣдаютъ на половину епископы—фанатики, конечно недальновидные; они признаютъ

власть папы потому, что не желаютъ подчиниться царской власти. Были мужи здравомыслящіе, которые совѣтовали царю перестать платить постыдную дань папѣ, примкнуть къ гусситизму и сокрушить поколебленное и расшатанное могущество нѣмцевъ.

Этихъ причинъ сквозь патріотизмъ и католицизмъ Папэ не видитъ, и потому не спеціалисту многія событія не совсѣмъ понятны. Пограничные князья, не получивъ помощи, передаются московскому царю, и онъ ихъ называетъ измѣнниками. Воевода Волоскій Стефанъ, предоставленный самому себѣ, подчиняется власти турецкаго султана—и по соображенію автора—онъ тоже измѣнникъ. Недопущеніе въ парламентъ русскихъ вельможъ и епископовъ онъ считаетъ цѣлесообразнымъ. Такимъ образомъ и цѣнная книга, проливающая много свѣта на исторію Польши, Литвы, Руси и Москвы—оставляетъ еще желать многаго.

О. В.

Первый русскій путеводитель по Чехіи, Моравіи и другимъ австрійскимъ славянскимъ землямъ. Изданіе *І. В. Александра.* Славянская Прага—Москва, 1904/5 г., стр. 144. Цѣна 1 крона.

Редакторъ-издатель симпатичнаго журнала на чешскомъ и русскомъ языкѣ „Вѣсти“ (Zvěsti), посвященнаго взаимному сближенію славянъ и поддержкѣ взаимныхъ междуславянскихъ торговыхъ отношеній, выпустилъ недавно въ Прагѣ книжку, которая явится необходимой для каждаго путешественника по австрійскимъ славянскимъ землямъ. Книга снабжена рѣшительно всѣми необходимыми для путешественника свѣдѣніями и недурными рисунками. Въ концѣ приложенъ русско-чешскій словарь, при чемъ чешскія слова приведены въ русской транскрипціи. По цѣнѣ путеводитель доступенъ всякому. Выписывать можно отъ издателя: Autriche. Praga.—Žižkov. J. V. Alaxander.

Призрѣніе раненыхъ. Выпускъ I. Спб. 1904 г.

Особая Комиссія по безплатному размѣщенію больныхъ и раненыхъ воиновъ въ предѣлахъ С.-Петербургскаго военнаго округа приступила къ изданію повременника „Призрѣніе раненыхъ“, въ которомъ помѣщаются подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этой Комиссіи. Вотъ какъ опредѣляетъ задачи комиссіи названный современникъ:

„По волѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны при Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста учреждена Особая Комиссія по безплатному размѣщенію больныхъ и раненыхъ воиновъ. Въ тяжелую годину, переживаемую нашей родиной, любвеобильное сердце Матери Вѣнценоснаго Вождя русскаго воинства, призваннаго дать твердый и могучій отпоръ посягательствамъ врага, побудило Императрицу создать учрежденіе, преслѣдующее святую цѣль помочь, облегчить муки и утѣшить раненыхъ на бранныхъ поляхъ Дальняго Востока.

„Извѣстіе о внезапномъ вѣроломномъ ночномъ нападеніи на Портъ-Артуръ, о потопленіи нашихъ судовъ въ Чемульпо, съ самаго начала войны

легли тяжелымъ камнемъ на каждаго, кто называетъ себя русскимъ и кто любитъ Россію. Россія послала въ защиту своей чести лучшее, что у нея есть—своихъ сыновъ, и они съ беззавѣтною храбростью пошли геройски умирать за нее, жертвуя своей семьей, ея благополучіемъ и рискуя вернуться измученными, искалѣченными, безсильными, на тягость тѣмъ, кого они были раньше кормильцами и надеждой. Весь міръ смотритъ съ удивленіемъ на самоотверженность и геройство русскихъ воиновъ, Россія же—съ умиленіемъ, гордостью и съ глубокою вѣрою въ нихъ. Дѣло войны стало дѣломъ народнымъ, потому что оскорбленіе, нанесенное Россіи, живо почувствовалъ каждый русскій, кто бы онъ ни былъ, потому что чувство гордости и умиленія за нашихъ героевъ-братьевъ соединило насъ въ одную горячую, общую за нихъ молитву. И нѣтъ сомнѣнія, что съ той минуты, какъ это дѣло стало народнымъ, всякій русскій, если только онъ здоровый членъ своего народа, а не сгнившій негодный обрубокъ его, не можетъ не стремиться войти въ это общее дѣло. Всякій русскій вноситъ въ него свою посильную лепту, здѣсь-ли, вдали отъ военныхъ дѣйствій, или на самой войнѣ, и бѣднякъ не задумается принести свою трудовую копѣйку на пользу дѣла облегченія тягости военныхъ невзгодъ. Жертвовать и работать на это дѣло есть общая потребность, а созданная по волѣ Государыни Императрицы Коммиссія только отвѣчаетъ этой потребности.

„Съ театра войны скоро будутъ прибывать тѣ герои, которые своею грудью защищали свою родину, и искалѣченные, больные, измученные ждутъ отъ насъ помощи, утѣшенія и покоя, и Коммисія наша является тою посредницей между ранеными и тѣми, въ комъ бьется горячее отзывчивое сердце желаніемъ помочь страждущимъ братьямъ, которая призвана осуществить дѣло заботы о раненыхъ и больныхъ. Благодаря Коммисіи, всякій можетъ знать, въ чемъ больше всего нуждается дѣло помощи раненымъ, и благодаря ей даже самое незначительное пожертвованіе деньгами или вещами, по сложенію съ другими, принесетъ свою несомнѣнную пользу.

„Встрѣчая всякое пожертвованіе съ благодарностью, Коммисія не сомнѣвается въ успѣхѣ своего начинанія. Дѣло ея слишкомъ живое, жизненное, входящее составною, неотъемлемою частью въ народное дѣло войны, и можно ли сомнѣваться въ томъ, что оно вызоветъ сочувствіе и привлечетъ многихъ и многихъ жертвователей. Чѣмъ больше будетъ популярна Коммисія, тѣмъ естественнѣе и необходимѣе является потребность ея подѣлиться съ обществомъ свѣдѣніями о томъ, что дѣлается и предполагается дѣлать, куда и какъ расходуются средства, собранныя изъ добровольныхъ даяній. Поэтому, задачею и цѣлью настоящаго журнала, „Призрѣніе раненыхъ“ является возможно полное освѣщеніе многосложнаго и труднаго дѣла эвакуаціи, и въ содержаніе журнала войдетъ какъ исторія возникновенія Коммисіи, выдержки изъ журналовъ всѣхъ засѣданій Коммисіи и ея органовъ, заключающіе въ себѣ подробный обзоръ дѣятельности ея, такъ и отчетъ о всѣхъ пожертвованіяхъ, какія бы они ни были, съ поименованіемъ именъ жертвователей“.

Поступили въ Редакцію слѣдующія книги:

1. *Ю. А. Яворскій.* Очерки по исторіи русской народной словесности. II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Кіевъ, 1905 г., стр. 66.

2. *Проф. К. Я. Гротъ.* Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. Спб., 1905 г., стр. 72.

3. *Проф. И. Пальмовъ.* Чешскіе братья въ своихъ конфессіяхъ до начала сближенія ихъ съ протестантами въ концѣ первой четверти XVI ст. Т. I, вып. 1. Главнѣйшіе источники и важнѣйшія части. Прага, 1904 г., стр. XXIII+462, Вып. 2. Приложенія: Confessiones fidei fratrum bohemorum, Прага, 1904 г., стр. XXX+400.

4. Новый Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго при участіи ихъ учениковъ по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Спб. 1905 г., стр. LXI+506+LXI.

5. Научно-литературный сборникъ. Повременное изданіе „Галицко-русской матицы", подъ редакціей Б. А. Дѣдицкаго. 1904 г. Т. III, кн. 3 и 4. Львовъ.

6. *Н. Епанчинъ.* Очеркъ похода 1829 г., въ Европейской Турціи. Ч. I. Подготовка къ походу. Спб. 1905 г. стр. IV + 384 + 75.

7. *В. И. Крыжановская* (Рочестеръ). Свѣточи Чехіи. Историческій романъ изъ эпохи пробужденія чешскаго національнаго самосознанія. Спб., 1904 г., стр. 344.

8. *Э. Вольтеръ.* Литовская хрестоматія. Lietùviška chrestomatija. Спб. 1904 г., вып. 2, стр. 500.

9. Изъ Исторіи Геродота. Персы, египтяне, скиѳы. Чтеніе для юношества и самообразованія. Составилъ *П. Д. Первовъ.* Москва, 1905 г., стр. 166

10. Stjepan Radić. Moderna kolonizacija i slaveni. Zagreb. 1904. Izdala Matica Hrvatska. Стр. 375.

11. A. Aškerć. Primož Trubar. Zgodovinska epska pesnitev. Ljubljana. Založ. ig. Pl. Kleinmayr in Bamberg. 1905 г., стр. 135.

12. La Macedoine et le vilayet d'Andrinople (1893—1904 гг.). Mémoire de l'Organisation Intérieure. 1904 г., стр. 277.

13. *Г. К. Дорофеевъ.* Къ вопросу о реформѣ средней школы. Варшава, 1904 г., стр. 68.

Отзывы объ этихъ книгахъ будутъ даны въ слѣдующихъ книжкахъ „Славянскихъ Извѣстій".

Редакторъ: **В. Н. Кораблевъ.** Типографія В. Д. Смирнова.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнаго Фонда) въ восьми большихъ книгахъ.

Цѣна по подпискѣ безъ пересылки **20 рублей**, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при выдачѣ **I** книги уплачивается **7 рублей**, а затѣмъ **3 р.** при выдачѣ **II** книги и по **2 рубля** при выдачѣ **III, IV, V, VI,** и **VII** книгъ, **VIII** же книга будетъ выдана безплатно.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія цѣна будетъ повышена. Въ отдѣльной продажѣ **I** и **VII** кн. по **3 р. 50 к.**, **II, IV, V** и **VI** по **4 р.**, **III—2 р. 50 к. VIII—4 р. 50 к.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжномъ складѣ типографіи **М. М. Стасюлевича**, въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

LUŽICA.

Měsačnik za zabawu a Powučenje.

Zhromadny časopis hornjo- a delnjołužiskich Serbow.

Z pomocu knjeza kanonika **Jakuba Harrmanna** we Wotrowje wudawataj dr. phil. **Ernst Muka** a **Jakub Bart-Ćišinski**. Administrator: wučer **Miklawš Hajna** w Konjecach.

Выходитъ въ серединѣ мѣсяца. Подписная плата 3 марки (4 кроны; 4 франка; 2 рубля) въ годъ. Адресъ редакціи: Sachsen. Freiberg. Prof Dr. Ernst Mucke.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

съ октября мѣсяца на $190^4/_5$ г.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ПО ВОЗОБНОВЛЕНІИ)

НА

„СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ".

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры **восемь** разъ въ годъ, въ **послѣднихъ** числахъ каждаго мѣсяца, кромѣ лѣтнихъ, книжками не менѣе 4 печатныхъ листовъ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПЕЧАТАЮТСЯ: научно-популярныя статьи по исторіи, литературѣ, церковной жизни, этнографіи славянъ; статьи и извѣстія, касающіяся современной политической и культурной жизни славянскихъ народовъ; письма и корреспонденціи изъ славянскихъ земель; библіографическіе отчеты о выдающихся книгахъ по всѣмъ вопросамъ славяновѣдѣнія; переводы лучшихъ произведеній славянскихъ писателей; отчеты о дѣятельности С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества и объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. Н. Бахтинъ (Новичъ), *А. А. Башмаковъ*, *проф. А. С. Будиловичъ*, *И. Я. Вацликъ*, *О. Вильчинскій*, *прив.-доц. Э. А. Вольтеръ*, *проф. К. Я. Гротъ*, *проф. П. А. Гейсманъ*, *Н. С. Державинъ*, *проф. А. В. Добіашъ* (Прага), *П. Д. Драгановъ*, *А. Ф. Ерковичъ*, *А. А. Завьяловъ*, *проф. В. Н. Златарскій* (Софія), *прив.-доц. Г. А. Ильинскій*, *І. В. Калашъ* (Прага), *А. А. Кирѣевъ*, *В. Н. Кораблевъ*, *В. А. Кракау*, *проф. П. А. Кулаковскій*, *проф. С. М. Кульбакинъ*, *проф. П. А. Лавровъ*, *А. Л. Липовскій*, *Л. П. Лобовъ*, *В. А. Лугаковскій*, *Э. Э. Лямбекъ*, *О. А. Мончаловскій* (Галиція), *А. Ф. Музыченко*, *д-ръ Э. Ю. Мука*, *проф. М. П. Павловичъ* (Бѣлградъ), *проф. И. С. Пальмовъ*, *прив.-доц. Н. М. Петровскій*, *прив.-доц. М. А. Полиевктовъ*, *С. А. Радичъ* (Загребъ), *П. А. Ровинскій* (Черногорія), *д-ръ Г. Сернецъ* (Штирія), *Св. Ст. Симичъ* (Бѣлградъ), *А. И. Сиротининъ*, *прив.-доц. д-ръ І. Скерличъ* (Бѣлградъ), *А. П. Соловьевичъ*, *прив.-доц. д-ръ Ст. Станоевичъ* (Бѣлградъ), *прив.-доц. А. І. Степовичъ*, *Е. Ф. Тураева-Церетели*, *проф. И. П. Филевичъ*, *С. В. Штейнъ*, *Ю. А. Яворскій*, *А. И. Яцимирскій* и *многіе другіе*.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкою и пересылкою для городскихъ подписчиковъ 3 руб., для иногородныхъ 3 р. 50 к. и заграницу 4 р. Цѣна за отдѣльную книжку 50 к.

О всѣхъ новыхъ книгахъ по славяновѣдѣнію, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются извѣщенія или помѣщаются рецензіи.

Всѣ статьи, корреспонденція и вся переписка съ редакціей адресуются: **С.-Петербургъ, въ редакцію „СЛАВЯНСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ". Вас. Остр., 5 лин., д. 34, кв. 10.**

Рукописи съ неоплаченными почтовыми расходами не возвращаются. Комплекты журнала за $190^2/_3$ и $190^3/_4$ годы высылаются за 3 руб.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній **„Извѣстія"** рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ и допущены Ученымъ Комитетомъ Мин-ва Земледѣлія и Гос. имуществъ въ библіотеки подвѣдомственныхъ Мин-ву учебныхъ заведеній.

Подписка принимается: 1) въ редакціи **„Славянскихъ Извѣстій"**, С.-Петербургъ, Вас. Остр. 5-я линія, домъ 34, кв. 10,—2) въ помѣщеніи Славянскаго Благотворительнаго Общества, СПБ. Звенигородская, 24.

Редакторъ *В. Н. Кораблевъ.*